

Нермин Безмен

**КУРТ
СЕЙТ
И
МУРКА**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Нермин Безмен
Курт Сеит и Мурка

«Издательство К.Тублина»

1994

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)

Безмен Н.

Курт Сеит и Мурка / Н. Безмен — «Издательство К.Тублина»,
1994

ISBN 978-5-8370-0756-9

Вторая часть столь любимейшей читателям дилогии о бывшем царском офицере Курте Сеите, в годы революции вынужденном эмигрировать из России, рассказывает о его судьбе в Турции. Расставшись с возлюбленной и женившись на молоденькой турчанке, Курт мучительно пытается найти свое место в жизни: открывает собственный ресторан в Стамбуле, работает на ипподроме, торгует керосином, бедствует и вновь богатеет. И все это время рядом находится его жена – верная Мурка, подарившая главному герою этой трогательной и трагической книги двух дочерей. Роман «Курт Сеит и Мурка» разошелся по миру совокупным тиражом в полтора миллиона экземпляров и вызвал самый горячий отклик у любителей литературы.

УДК 821.512.161

ББК 84(5Туц)

ISBN 978-5-8370-0756-9

© Безмен Н., 1994

© Издательство К.Тублина, 1994

Содержание

От автора	6
Весна 1924 года. Стамбул	8
Семья растёт, тоска и одиночество не проходят	26
Лето в Джаддебостане	35
Конец лета	43
Чья ошибка?	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нермин Безмен

Курт Сеит и Мурка

Copyright © Nermin Bezmen, 1994 / © Kalem Literary Agency

© ООО «Издательство К. Тублина», 2019

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2019

© А. Веселов, оформление, 2019

От автора

Дорогие читатели!

Я рада новой встрече с вами во второй части истории жизни моего деда, с которой вы уже начали знакомиться в романе «Курт Сеит и Шура».

После того как в августе 1992 года вышла моя книга «Курт Сеит и Шура», мы с моим супругом Памиром отправились в путешествие по Крыму, где долго бродили от двери к двери, пытаясь отыскать следы моей семьи. Но от семьи Эминовых и от улицы Садовой не осталось и следа. Я приехала в Крым, чтобы излечить свою печаль, но вернулась с тоской еще большей, оставив многим людям свои имя и адрес.

Однако спустя два месяца после моего возвращения одно за другим пришли два письма – из Санкт-Петербурга и Ташкента, и эти письма заставили меня обезуметь от радости. Их прислали Ленера Эминова-Башкирцева и Лайла Эминова-Джемилова.

Дедушки этих женщин были братьями моего дедушки, господина Эминова. И вот мы восполнили пробелы родословного древа при довольно сложных обстоятельствах. Разумеется, то, что я узнала от них, должно было найти место в моем рассказе.

Я узнала, что историческая правда проявляется тогда, когда исчезает давление тех, кто направляет ход истории по ложному пути, и мне не верится, что я добралась до конца. Но я старалась ухватить правду настолько, насколько позволяла это сделать жизнь Курта Сеита, и старалась прожить его жизнь на страницах моих книг.

С другой стороны, я столько долгих лет провела со своим дедом, что он для меня всегда останется более живым, нежели в памяти людей, живших с ним в одно время и ставших свидетелями его смерти. Его фотографии рассказывают о его жизни: и вот он годами сидит, оживший, в углу моего письменного стола. Сидит с горькой улыбкой, как-то особенно сжав меж пальцев сигару, опрокидывает стопку водки, подмигивает. Я настолько привыкла быть вместе с ним, настолько привыкла ощущать в своей душе его любовь и его печали, что, закончив очередную книгу, почувствовала, как подарила деду целую жизнь, а затем заново убила его. Но мне не хотелось его терять.

Однако Курт Сеит уже не только мой дедушка, он – герой романа, продолжение которого ждут тысячи моих читателей. Он, господин Эминов, человек, проживший безумную жизнь, совершавший ошибки и полный благих намерений, давно ушел из этого мира, но заново обрел душу в библиотеках бесчисленного количества людей. Я не хотела терять его, но чувствую, что пришло время поделиться с вами продолжением истории его жизни. Я верю в то, что необходимо понемногу говорить об обидах, не рассказанных до сегодняшнего дня и оставшихся тайной.

Надеюсь, что сумела донести до вас не только историю моего деда, но и истории других членов моей семьи, а также множества других людей, появившихся в моей книге. Мне кажется, что обязательно найдутся те, кто найдет в моих романах похожих на себя персонажей или же самих себя. Я писала, не упуская правды, однако стараясь никого не обижать. Но я хочу, чтобы, спустя годы, люди, достойные того, чтобы их обидели, вспомнили об остатках совести и, хоть немного мучаясь ее угрызениями, осудили себя. И конечно, я хочу дать возможность еще раз подумать, пока не поздно, тем, кто, не зная правды, бежал от нее, обвиняя пострадавших. Но, как я сказала, я всего лишь писатель и не могу отпускать грехи.

Я надеюсь, что истина, которую я была вынуждена упомянуть в финале моего романа, будет встречена с пониманием. Я долго размышляла, однако, сознавая, что единожды написанное будет считаться правдой, не смогла от нее отречься.

Самое важное – это не повторять прежних ошибок и не искать прежних обид. Если мы не сможем извлечь урок из пережитого, то обречены повторять его снова и снова.

Нермин Безмен

Весна 1924 года. Стамбул

У него болело сердце. Словно это самое сердце искусно кололи, один за другим нанося острые удары. Он чувствовал горькую и ноющую боль в груди. Сколько времени прошло с тех пор, как он покинул пристань Каракея? Час, может, два... Он оттягивал путь настолько, насколько возможно. Он не знал, куда хочет пойти. В тот момент у него не было адреса, куда хотелось бы уйти. Ему в тот миг некуда было идти. Он думал о моменте прощания с единственной женщиной, которую любил. Произошло это несколько минут назад. А может, прошли уже долгие часы? Как огромная, бескрайняя любовь длиной в восемь лет могла запросто взять и кончиться всего тремя словами? Прощальные слова Шуры вновь зазвенели у него в ушах.

«До свидания, Сеит», – с горечью сказала молодая женщина, не поворачивая головы в его сторону. На глаза его возлюбленной навернулись слезы, Сеит знал это. Он также знал, что, когда их взгляды встретятся, он сам разрыдается. И вот так закончилось все то, что они делили столько лет: счастье, приключения, мечты, – завершилось быстро и легко... Неужели и правда их любви пришел конец?

Он чувствовал себя опустошенным. Да, от него удалялись его мечты, до которых он не сможет больше добраться, его Родина, куда он никогда больше не вернется, его семья, которую он никогда больше не увидит, его друзья. Все, что было связано с его прошлым, уезжало с его любовью на одном пароходе в другую страну. Все было разрушено. Сколько же, в сущности, в жизни он чувствовал, что жил? Последние шесть лет?.. Годы, которые он прожил до этого, будто бы остались в другом пространстве, в другом времени. Почему же все прошло так быстро?

Он настолько потерял голову, что удивился, когда заметил, что пришел на улицу Кальонджу Кулук. От горечи трудно было дышать. Должно быть, ноги сами привели его к хорошо знакомому адресу.

Помощники официантов из ресторана Волкова заносили в прачечную привезенные на стирку скатерти. Увидев Сеита, работники почтительно расступились. Кокетливый женский голосок, напевавший старую русскую народную песню, доносился с заднего двора. Одна из девушек-гладилиц, увидевших, как Сеит вошел, побежала туда, откуда раздавался голос, утихомирить подругу. Молодой человек махнул рукой на дисциплину. Песня, которую пела русская девушка, казалась свежим ветром, подавляющим душевную боль, ветром из крымских степей и лесов Алушты.

Он прошел между гречанок, встретивших его словами «Добро пожаловать, Сеит-бей!» на ломаном турецком, и русских девушек, приветствовавших его на своем языке, с равнодушным приветствием и, поднявшись на верхний этаж, вошел в свою комнату. В тот момент ему не хотелось ни с кем разговаривать.

Ему было необходимо побыть наедине с собой и своими мыслями.

Войдя в комнату, он некоторое время простоял, прислонившись к двери. Он словно оставил позади мир, в котором жил и в котором было заранее определено, каким будет завтрашний день. Сейчас мир, оставшийся в прошлом, раскинулся перед ним, будто картина; жизнь, которой он положил конец и которая больше никогда не повторится, и он словно бы находился на границе двух миров. Заперев дверь, он направился к комоду, достал стеклянный графин с водкой, наполнил стакан. Осушив стакан огромными глотками, раскурил сигару. Потом заметил, насколько беспокоят его голоса и свет, идущие от окон, закрыл окно и задернул его плотными бархатными портьерами. В тот момент его не интересовало, что происходит снаружи, кто о чем разговаривает и как живет. Ему было необходимо остаться наедине с самим с собой, с прошлым и миром грез.

Он сел на кровать, облокотившись о подушку. Большой глоток водки, вслед за ним глубокий затяг сигары. Ничто не могло заставить его забыть горечь, которая лежала у него на сердце. Еще глоток... за ним затяг... Голоса, доносившиеся с нижнего этажа, говорили о том, что работники потихоньку расходятся.

Осторожный стук в дверь привел его в себя. Бухгалтер на русском сообщил, что все разошлись, и спросил, не желает ли хозяин чего. Сеит небрежным, но учтивым голосом дал довольно короткий ответ:

– Благодарю. Доброго вечера, Петр Сергеевич.

– Спокойной ночи, господин Эминов.

У дела, которым в данный момент занимался Петр Сергеевич, не было никакой связи с его прежней профессией. Он был горным инженером из Москвы. Предположить его возраст было довольно трудно. Его волосы были поредевшими, но еще не тронутыми сединой, кожа была белой, а глаза голубыми. У него были тонкие пальцы. По размеренным, учтивым манерам было нетрудно определить, что происходил он из аристократической семьи.

Когда в 1920 году пал Севастополь, он проник на один из последних кораблей генерала Врангеля, отходящих от крымских берегов. Сеит однажды слышал от него, во время застолья, что больше всего он скучает по оставленным в России пожилому отцу и пианино. Петр Сергеевич никогда не говорил о женщинах. Возможно, он никогда не любил их, а возможно, расставание с женщиной ранило его так, что он не хотел говорить о прошлом.

Необходимо было снова найти себя и заново все начать. Сеит встал с кровати. Со стаканом и сигарой в руках он погрузился в кресло, стоявшее у окна. Доносившиеся голоса исчезали в сгущавшихся сумерках тишины весеннего вечера. Теперь он мысленно мог совершить путешествие в любое время или место, в котором хотел оказаться. Он закрыл глаза.

Действительно, интересно, какой же самый дальний год, до которого он мог дотянуться в своих воспоминаниях? До сегодняшнего дня он никогда об этом не думал. Был ли это праздник по случаю обрезания? Нет, нет, он мог помнить времена и гораздо ранние.

Внезапно комната наполнилась свежестью и зеленью высоких вековых чинар, кипарисов, дубов, сосен. И великолепный сад, сад его дома, который он помнил с детства, предстал у него перед глазами. Среди необъятной зелени, которая соединялась с лесом, он увидел своих братьев и себя... Как же они были веселы и беззаботны... Он начал мысленно размещать скамейки из кованого железа под большой чинарой. Столы, а на них холодные лимонады, печенье, чай в огромном серебряном самоваре...

Из одного из окон на верхнем этаже донеслись в сад волшебные звуки пианино, на котором мама играла очаровательный ноктюрн Шопена. Внезапно он увидел свою мать на широких мраморных ступенях у главного входа в дом. Молодая женщина, выходящая из широкой двери, украшенной витражным стеклом, спускалась по лестнице, придерживая подол платья. В тот момент, когда она вышла из тени листьев плюща и фиолетовых виноградных гроздьев, которые, обвиваясь, тянулись до второго этажа дома, на свет явились ее темно-синие глаза.

Всадник, въехавший в передний сад, в котором росли саженцы роз, слез с лошади и передал поводья управляющему.

Каким же молодым и красивым был его отец в те годы, когда надевал свою форму, украшенную медалями, и сапоги с иголки, каким же величественным он был! Насколько же волновались все они при возвращении отца из Санкт-Петербурга! Мирза Эминов во время каждого приезда инспектировал имение и виноградники, а затем давал поручения управляющему и снова возвращался к семье. В его коротенькие визиты они слушали рассказы о том, как их отец совершал путешествия вместе с царем, об официальных парадах, в которых он участвовал, и о балах. Сеит слушал его, замирая, и мечтал о том дне, когда тоже станет офицером, как отец.

Он вспоминал о лете в Алуште, когда ему исполнилось двенадцать. Он вспомнил, как волновался перед обрядом обрезания, атмосферу праздника, царившую в доме, и подарки, которые он получал. Какое же огромное счастье подарил ему отец – черного-пречерного игрушечного пони. Еще – огромный сверток, который он открыл с восторгом и криками радости. Как же сильно он разволновался, когда он понял, что это – подарок царя Николая, как же было приятно почувствовать себя самым важным ребенком на земле. Он вспомнил лакированную черную шкатулку, на которой были нарисованы девушки и молодые люди под деревьями, и улыбнулся. Он помнил, как вращался и пел бронзовый петух на крышке, когда поворачивался ключ, и словно бы видел волшебную шкатулку перед собой. Интересно, нашел ли ее кто-нибудь? Да нет! Должно быть, шкатулка давно сгнила под деревом в Алуште. Кто знает!

Но это уже было давно. Сейчас ему хотелось подумать о том, что было потом. Итак, середина лета 1905 года. В то лето вместе с отцом они отправились из Алушты в Петербург, и Сеиту на мгновение показалось, что это было вчера. Он с наслаждением вспоминал дни, когда он вместе с отцом бродил по особняку, разглядывая все новое, что попадалось на глаза. Дом в Коломне, старые слуги, полковник Моисеев, его чудесная жена Ольга, несчастная, безнадежная красота вдовы отцовского друга Евгения, льняные волосы ее детей-сирот, погодков, их глаза облачно-голубого цвета оживали у него перед глазами.

Училище и тамошняя форма, так похожая на форму отца. Одиночество и тоска по отцу.

Вернувшись с Русско-японской войны, отец сказал ему: «Сынок, не спеши в жизни ни чему-либо радоваться, ни чему-либо огорчаться».

Теперь Сеит лишь горько усмехнулся, откинув голову на спинку кресла и выдыхая в воздух кольца сигарного дыма. Насколько отец был прав! Разве не для того, чтобы испытать его, его жизнь сменялась радостью и печалью?

Однако один период, хоть и короткий, был окрашен волнением, наслаждением, воодушевлением, следовавшими одно за другим. Те годы были периодами самых свежих надежд и бесконечных ожиданий, связанных с будущим. Он запомнил день выпуска из училища, когда он надел форму поручика. Тот день запечатлелся в его памяти словно фотография из далекой эпохи, черты которой еле видны сквозь завесу времени.

За соревнования по верховой езде он, юноша – один из лучших юнкеров, – получал награды, которые ему вручал лично царь. Но дороже всех остальных наград для него были часы в золотом футляре, украшенные царской монограммой и драгоценными камнями. Он соскучился по приятному звуку, который эти часы издавали в начале каждого часа. А сейчас кто знает, для кого эти часы отсчитывают время? Прошло совсем немного времени с того дня, когда он был вынужден продать их вместе с орденами на рынке Капалычарши. Интересно, на чей палец ушло фамильное кольцо Эминовых с сапфиром и бриллиантом, которое отец вручил ему на двадцатилетие?

Он провел рукой по лицу, словно хотел прогнать грустные мысли. Внезапно перед глазами начали появляться приятные воспоминания. Неужели этот мужчина с уставшей душой, который сидел сейчас здесь, в этом кресле, был тем самым молодым кавалеристом, поручиком Эминовым? У того было столько надежд, столько ожиданий от будущего... У нынешнего рвется каждая нить, за которую он держится, а душа готова в любой момент отделиться от тела.

Последний год, который он вспомнил, – 1916-й. Санкт-Петербург и Москва, усыпанные снегом. Его мысли вернулись к тому вечеру, когда мятежная его душа впервые натолкнулась на то, что не в состоянии была понять. Неужели действительно позади осталась та ночь, когда он встретил свою настоящую любовь, голубые глаза которой сверкали стыдливой горячностью, белая кожа – чистотой, а светло-русого цвета волосы, обрамлявшие красивое лицо, гармонировали с нежными губами, которые застыли от смущения? Та девушка шестнадцати лет, в самом расцвете красоты и юности, с которой он еще не был знаком, заставила его сердце трепетать при первой их встрече. Александра Юлиановна Верженская из Кисловодска... Малень-

кая Шура. Милая прекрасная Шура. Она наполнила жизнь Сеита горячим желанием, скрытым за непосредственностью. И вот сейчас она плыла по Босфору на корабле, который следовал в Париж. Она уходила, забрав с собой все снега Москвы и Санкт-Петербурга, звуки колоколов, мелодии вальсов, запах свежих виноградных лоз с виноградников Алушты, ветер с берегов Крыма, пахнувший морской водой. Интересно, собирается ли она хранить эти воспоминания, собирается ли вспоминать о тех моментах, которые они провели вместе, или развеет их по ветру на новых берегах, к которым плывет?

Глубоко вздохнув, он поднялся, и отзвук его вздоха растаял у него на губах. На сердце было беспокойно. Что бы он ни делал, как бы ни старался вспомнить былое, он всего-навсего вновь возвращался к последнему дню. Невозможно спастись от прошлого.

Его сердце сжалось, когда он подумал об отце, который не принял их союз с Шурой. Он мог понять, как страдал пожилой мужчина, когда видел поступки сына. Но и отец, и сын были людьми упрямыми и соревновались друг с другом в упрямстве. Разве мирза Эминов не хвалился тем, насколько его старший сын похож на него? Если бы он только знал, что когда большевики найдут его сына, то он больше никогда не увидит Сеита! Если бы он это знал! Разве он позволил бы тогда сыну уехать с берегов Алушты вот так, не попрощавшись, без благословения, без надежды на новую встречу? Но не случилось. Никто не мог знать, что все так выйдет. Ах-х! Вот если бы была у него возможность заново прожить те дни... Что бы он сделал? Что сказал бы отец?

«Никогда не приводи эту женщину в этот дом и не пытайся появиться сам, пока остаешься с ней. Я буду считать, что ты еще не вернулся, и буду ждать твоего возвращения».

Воспоминания душили Сеита, словно петля, накинутая на шею. Он хорошо знал, что в тот момент, когда отец произнес эти слова, он ждал извинений от сына. Сеиту хотелось обнять его и сказать: «Дорогой отец, я очень тебя люблю, однако и ее я тоже люблю. Я не могу сделать выбор между вами и ней! Пожалуйста, поймите меня!» – однако он гордо и упрямо промолчал.

Когда он открыл ворота родного дома и вышел на улицу, то долгое время стоял с удивлением и изумлением, не веря в происходящее. Он ждал, что отец все же позовет его. Точно так же и мирза Эминов, стоя на лестнице, долгое время не делал шага и ждал, что сын вернется и попросит прощения. Напрасно! Раз старший Эминов горд и упрям, то сын такой же. Больше они не увиделись.

Перед Сеитом так и стоял облик отца: полные негодования синие глаза, борода, седые волосы. Отец все еще смотрел гневно, но его глаза были наполнены горькой тоской. Или Сеиту только так показалось? Зажмурившись, он водил руками по отцовскому лицу. Пользы не было. Боль от горькой разлуки ему предстоит носить в сердце всю жизнь. Аллах! Как он соскучился. По отцу, по матери, по сестре, по брату. До настоящего момента он никогда так не тосковал по семье, как сейчас. Он вспомнил, какой любовью светились мамины темно-синие глаза, как ее тоненькие пальцы бродили по клавишам пианино. Братья начали появляться у него перед глазами, один за другим. Образы детства, появляясь из-за завесы прошлого, приближались к Сеиту. С братьями никогда не было ссор. Воображение начало вытеснять тоску. Братья вдруг исчезли, за исключением одного. Сеит, вздрогнув, закрыл глаза и покачал головой. Все вокруг стало черным-черно. Только иногда местами лунный свет пробивался сквозь облака, которые развеивал пронзительный ветер. Комнату заполнил шум бьющихся о берег волн и запах моря. Галька берегов Алушты скользила под ногами. Пенные воды взбушевавшегося Черного моря омывали скалы, тянувшиеся вдоль берега.

Махмут, выкрикивая его имя, бежал вниз по склону, покрытому виноградниками. Его лицо освещал лунный свет. Было довольно далеко, однако Сеит очень хорошо видел его. Темно-русый Махмут с голубыми глазами и детским взглядом был все ближе и ближе. Сеит распростер объятия. Он хотел дотянуться до Махмута. Он хотел подхватить брата, обнять его

и увезти. Но он опоздал. Комната осветилась лунным светом. Теперь Сеит видел брата четче, но появились проклятые тени и раздались выстрелы.

Колени Махмута подкосились, и он, вскинув руки так, словно пытался объять звезды, упал на землю как подкошенный.

Сеит, застонав, опустился на колени рядом с братом. Он не мог сдержать капающих из глаз слез.

– Махмут, дорогой брат! Мой малыш!.. – закричал он. Закрыв лицо руками, он слушал эхо, оставленное в нем голосами прошлого.

Полившиеся слезы смыли протест в его душе, смыли прошлое, чтобы оно больше не заставляло его плакать. Как же много было у него потерь, и какие же большие они были, эти потери!

Немного спустя ему удалось успокоиться.

Он чувствовал себя намного лучше, а вместе с тем появились и новые решения. Нельзя вылечить тоску по прошлому. Но сейчас в его руках находится жизнь, за которую он несет ответственность, и в его силах создать из нее лучшее, что из нее можно создать. У него есть все причины, чтобы начать новую жизнь в новой стране.

Когда он подумал о Мюрвет, то почувствовал немного жалости, немного тепла, немного волнения. Кто знает, с каким нетерпением ждала сейчас его дома маленькая жена? В скором времени у них появится ребенок. Он еще не привык к этой мысли, но, по сути, уже ничего не мог поделать. Жена была беременна. Она была маленькой, неопытной, очень далекой от того, чтобы понимать Сеита, разделять его прошлое. Ей было трудно даже настоящее с ним делить. Ни их воспитание, ни взгляды на жизнь, ни ожидания друг от друга супругов не были похожи. Но было кое-что, ради чего Сеит считал достойным попытаться. Его маленькая жена была влюблена в него. Каждый раз, когда он думал о ней, на его губах появлялась улыбка, а по телу разливалась теплота. Он не мог удержаться от смеха.

– Аллах! Я люблю и эту маленькую женщину!

Эти мысли настолько успокоили его, что старая любовь уже не доставляла ему столько страданий, как раньше. Он теперь мог начать новую жизнь с маленькой Муркой. Да, он был решительно настроен на новую жизнь. Ребенок должен был научить его любить жену больше, а жену – крепче и делить с мужчиной его жизнь. Может быть, их обоих ждет прекрасное будущее.

Мечты заставили его улыбнуться снова. Чтобы сбросить усталость, накопившуюся после счетов с прошлым, нужно было принять ванну. Залпом допив стакан водки, он пошел в ванную и там предался объятиям бодрящей холодной воды.

Затем, растянувшись на кровати, он решил утром ехать домой. Однако сон не шел. Разум и тело настолько устали, что было не уснуть. Он встал и оделся до того, как комнату осветили первые утренние лучи. Все то, что он пережил несколько часов назад, скрылось, забившись в дальний угол памяти.

* * *

На задворках района Касымпаша, из открытых окон верхнего этажа двухэтажного особняка с садом, доносился веселый мужской голос: «Калинка, калинка, калинка моя!»

Сова, сидевшая на ветке старого дерева, дотягивавшегося ветвями до верхушки окна, из которого открывался вид на Босфор, хлопала глазами в такт голосу. Должно быть, ей было еще не время ухать.

Сеит был в прекрасном расположении духа. Мягким, звучным голосом он пел «Калинку» и раскатывал тесто на мраморном столе кухни. Умелыми ловкими движениями он крутил тесто, переворачивал его, разрезал на куски и откладывал в сторону, наполняя заранее заго-

товленным фаршем. Борщ был готов. Когда поджарятся пирожки, они сядут за стол. Выдавливая масло в салат, он краем глаза следил за своей женой, которая в гостинной накрывала на стол. Мурка не спрашивала ничего с того момента, как он пришел. Сеит знал, что ее молчание исходит не из непонимания, а от обиды и страха поссориться. Он продолжал петь. Как бы то ни было, за едой он все расскажет жене.

Мюрвет облокотилась на оконную раму и вдохнула прохладный воздух. Она волновалась, но вид из окна был настолько хорош, что она невольно залюбовалась. Бухта Золотой Рог, блестящая фосфорическими переливами, создаваемыми от мерцавшего лунного света, была великолепна.

Мурка была обижена, еще как обижена. Она не могла понять мужа. Он не появлялся два дня, а затем вернулся домой веселый и с покупками. К такому она не привыкла, в доме ее отца царил другой порядок. Может быть, Сеит просто не любит ее? Но если не любит, то разве вернулся бы домой в таком прекрасном настроении? Да еще и с подарками! Она не знала таких мужчин, которые бы пошли на кухню и приготовили бы жене обед. Если бы не любил, разве бы так делал? Ладно, но ведь и уходить в ночь, не сказав ни слова, – тоже неправильно для любящего человека.

Мюрвет не знала, что думать. В сущности, она боялась заговорить. Она была уверена, что начнет рыдать еще до того, как договорит. Она боялась идти на кухню. Рано или поздно им придется все обсудить, однако чем позже это случится, тем лучше. Сеит сам позвал ее:

– Скоро будем есть, Мурка. Я ставлю на огонь пирожки. Стол накрыт?

Мюрвет откликнулась:

– Готов. Мне принести салат?

В тот момент, когда Мюрвет заговорила с мужем, она испугалась, что за этим обязательно последует рассказ о причинах его отсутствия. На самом деле ответ на вопрос, который ее очень интересовал, в то же время пробуждал в ней жуткий страх. Мужчина, который мог оставить ее одну на несколько дней, мог так же уйти и навсегда. Может быть, и этот веселый настрой, и все подарки были для того, чтобы подготовить Мюрвет к такому.

Внезапно Мюрвет почувствовала, что ей вот-вот станет плохо. Она поставила на стол тарелку с салатом и схватилась за полку. Сеит тут же бросил все дела, обнял ее и взволнованно спросил:

– Что с тобой, Мурка? Ты в порядке? Давай, дорогая, возмись за меня. Пойдем присядем.

Когда Мюрвет с помощью Сеита села на кухонную табуретку, их с мужем, который придерживал ее голову ладонями, взгляды встретились. Этого момента она со страхом ждала последние несколько часов, но блеск его темно-синих глаз, полных любви, придал ей спокойствия. Нет, нет, все ее страхи беспочвенны. Как и всегда, она снова сама себя напугала. Муж любит ее. Мужчина, который собирается уйти, так не смотрит. Головокружение прекратилось с той же скоростью, с которой началось, уступив место волнению. Она почувствовала, что в их жизни скоро произойдут большие перемены. Потому что во взгляде Сеита светилась нежность, которой не было до сегодняшнего дня. Она не хотела больше расстраивать Сеита. Она попыталась улыбнуться.

– Все хорошо, Сеит, уже хорошо. Я не знаю, что случилось. Сейчас, поверь, мне хорошо.

Сеит погладил жену по щеке. Он потихоньку водил указательным пальцем по ее пухлым губам, мягко к ним прикасаясь. В глазах его маленькой жены плыли облака волнения: она молча переживала все то, что хотела сказать.

Улыбнувшись, он обнял жену. Прижав ее голову к груди, поцеловал ее волосы.

Мюрвет выскользнула из объятий мужа.

– Поверь, все в порядке, – сказала она.

– Тогда я доготовлю мясо и приду.

Мюрвет впервые за долгое время начала чувствовать себя хорошо после этих прекрасных слов и прикосновений. Она хлопотала над столом, освободив место стаканам со спиртным. В зеркале, втиснутом в округлую оправу из орешника, она вдруг увидела свое отражение. На ее губах заиграла улыбка, а в глазах появился блеск. Она изумилась. Неужели человеческое счастье вот так быстро может отразиться на лице? Интересно, сильно ли она спешила быть счастливой?

Сеит поставил мясо на гриль на балконе кухни и вернулся, напевая песню. После того как он поставил тарелку с пирожками на стол, он подставил щеку жене и получил поцелуй. Сеит, подмигнув Мюрвет, спросил:

– Ну что, начинаем наш пир?

Муж был в таком веселом расположении духа, что Мюрвет осознавала, что не сможет озвучить за столом вопрос о том, как он провел эти несколько дней. Когда Сеит наполнил ее стакан раки, она впервые не возразила. Она не хотела портить волшебство вечера и собиралась составить компанию мужу. Кроме того, она знала, что один-два глотка алкоголя смогут немного уменьшить ее застенчивость.

– На здоровье! – сказал муж по-русски.

Затем Сеит поднял стакан и посмотрел прямо в глаза жене. В его темно-синих глазах читалась насмешка, смешанная с задором, сочувствие и надежды на новую жизнь. Мюрвет тоже подняла стакан, но не смогла выговорить то же слово. Она и не знала, что ей сказать. С детской растерянностью она сжала губы и замерла, глядя на мужа.

Сеит со смехом чокнулся с женой и повторил слова на турецком:

– За ваше и наше благополучие!

На этот раз Мюрвет повторила:

– За ваше и наше благополучие!

Они одновременно сделали по глотку. Мюрвет уже собиралась поставить стакан на стол, как муж еще раз заставил ее чокнуться.

– За наше благополучие!

Она, улыбнувшись, отозвалась:

– За наше благополучие.

Еще по глотку...

Сеит, приблизив лицо к лицу жены, продолжал всматриваться своими мерцающими глазами в ее глаза.

– Сейчас еще раз, Мурка. Только ты должна сказать более живым голосом. Хорошо? Так же, как сказал я: «За благополучие!» Давай, скажи, загорись желанием, давай!

Мюрвет, выпрямив спину, глубоко вдохнула. Ей вспомнился тот волнительный момент, когда она в пять лет пошла в районную школу и впервые прочитала молитву перед ходжой. По правде говоря, она и представить не могла, что произнести слова «За благополучие», которые просил муж, будет так сложно. Она подняла стакан:

– За благополучие!

Сеит засмеялся и ущипнул жену за щеку.

– За наше благополучие!

– За наше благополучие!

– За прекрасную жизнь!

– За прекрасную жизнь!

– За счастье!

– За счастье!

Вслед за каждым тостом они делали глоток. Стакан Сеита опустел. Внезапно они не смогли сдержать себя и залились смехом. Смех перерос в хохот.

В этот вечер Мюрвет открыла для себя полное радости лицо мужа, какого она до сих пор не видела, но так и не смогла постичь тайну этого внезапного преобразования. Она воздавала хвалу Аллаху за результаты своего терпения. Она уже не собиралась спрашивать у мужа, куда он ушел два дня назад и где пропал. Сейчас она была очень довольна.

Сеит же думал о том, что научил жену разделять с ним жизнь. Но Мурка все еще пребывала в детском возрасте. Ему предстоит разъяснить ей много вещей на протяжении их совместной жизни.

Мюрвет, несмотря на то что не допила свой первый стакан, почувствовала, что ее голова стала легче. Но это было не опьянение. Это была некая умиротворяющая ее расслабленность. Ее щеки зарумянились, а глаза начали загораться. Мысль о том, что муж заметит перемену в ней, заставила ее устыдиться и еще больше покраснеть.

Сеит говорил о том о сем и заставлял Мюрвет смеяться.

Потом чмокнул жену в губы.

– Я возьму мясо с гриля и приду. А ты, Мурка, если хочешь, подлей раки.

Мюрвет облокотилась на спинку стула. Закрыв на какой-то момент глаза, она прислушалась к себе. У нее был жар или приятное волнение согревало все тело? Как бы то ни было, она восхитительно себя чувствовала. Она сделала глубокий вдох. Луна в небе будто повисла на ветках векового дерева.

– Мой Аллах, мой великий Аллах, благодарю Тебя! Прошу, не поскупись для меня на счастье!

Она подошла к окну. Ей в лицо ударил сводящий с ума запах жимолости. Она сорвала тонкую ветку. Разволновалась. Достала из буфета маленькую вазу.

Когда Сеит вернулся, он не смог скрыть удивления, увидев вазу, в которой стояла жимолость.

– Прекрасно получилось, Мурка. Молодец!

Мюрвет была очень счастлива, что произвела впечатление на мужа.

Сеит наклонился к вазе и вдохнул запах жимолости.

Море словно вошло в дом.

Он взял жену за руку.

– Какие же у тебя прекрасные руки! Твои пальцы тоненькие, длинные. Как же прекрасно ты могла бы играть на пианино!

Мюрвет удивленно улыбнулась.

– Я?

– Да. Ты могла бы великолепно играть. Твои руки похожи на руки моей матери. Она прекрасно играла.

Мюрвет заметила, как глаза Сеита внезапно наполняются слезами. Она тут же захотела сменить тему.

– Я никогда не играла на пианино, но умею вышивать.

Сеит тут же опомнился. Откинув голову, он хохотнул. Искренние, детские слова жены вернули его обратно в мир, в котором он находился. Не выдержав, он соскочил с места и поцеловал ее в лоб и щеки.

Ужин шел восхитительно. Потянувшись через стол, Сеит с нежностью погладил ее щеку.

– Милое дитя...

Смех Мюрвет прервался. Внезапно она обиделась на слово «дитя».

– Ты меня ребенком считаешь?

– Ты моя прекрасная девочка, Мурка. И ты для меня всегда останешься такой.

– Но я хочу вырасти.

– Чтобы быть похожей на кого?

Мюрвет смущенно опустила глаза. Она замерла. Она сама не поняла, как ответ сорвался с ее уст. Должно быть, под влиянием алкоголя.

– Откуда мне знать... На всех тех женщинах...

Она не смогла продолжить.

Сеит спросил, ожидая ответа с большим любопытством:

– Ну-ка, что там с теми женщинами?

– Они... Все они взрослее меня.

– А потом?

«О, Аллах, – подумала Мюрвет, опустив глаза, – почему он так настойчиво пытается разговорить меня на эту тему?»

– Может быть, если я вырасту, ты перестанешь их искать.

Она не смогла сдержать накопившиеся в глазах слезы.

Сеит усмехнулся.

– Ребенок, ребенок! Ах, как я и полагал, ты ребенок. Моя маленькая Мурка, ты никогда не сможешь вырасти, как те женщины.

Мюрвет с возмущением подняла голову. Ее губы задрожали. Со слезами на глазах она спросила:

– Но почему? Почему?

Сеит встал с места. Он подвинул стул и сел рядом с женой. Он взял ее руки и спрятал в своих ладонях. Его лицо вдруг посерьезнело. Он медленно заговорил:

– Потому что, дитя, даже если тебе исполнится сто лет, ты не сможешь посмотреть на мужчину глазами тех женщин. Потому что ты умеешь любить, ты умеешь ревновать. Но ты не умеешь ненавидеть, не умеешь мстить, не можешь использовать мужчин. Будь собой и не пытайся быть похожей на тех женщин.

Мюрвет шмыгнула носом и пробормотала:

– Но тебе нравятся те женщины...

Сеит ответил шуткой:

– Нет, душа моя. Я нравлюсь им, а мне нравишься только ты. Да и, в сущности, ты моя жена, не так ли? Меня абсолютно не интересует, с кем эти женщины и где. Но я всегда хочу знать, что ты в моем доме, рядом со мной, в моей постели. Скажи мне сейчас, ты хочешь взростеть?

Мюрвет сконфуженно застыла. Она прижалась к груди Сеита и храбро сказала то, что пришло ей на ум:

– Я всегда там, где ты хочешь, но ты не всегда со мной.

Сеит гладил волосы жены, целовал их и думал о том, насколько сильно она расстроена. Он наклонился и сделал глоток раки. Затем покашливанием прочистил горло. Пришло время сказать то, что необходимо.

– В тот вечер я был очень беспокоен, Мурка. Я не мог уснуть. Мне было так тяжело, сердце так тосковало... Я не мог больше оставаться в доме, в постели. Ты так сладко спала, что я не отважился тебя разбудить.

Мюрвет, подняв голову, смотрела ему в глаза. Муж словно не хотел сталкиваться с ней взглядом, рукой притянул ее голову к своей груди и продолжал:

– Я ездил к Шуре.

Сеит заметил, что она замерла в его руках. У Мюрвет начались головокружение и тошнота. Это было уже слишком. Она подумала, что не выдержит. В ушах звенело. Сеит погладил ее по плечам.

– Ш-ш-ш, ну же, успокойся. Я хочу, чтобы ты меня выслушала, Мурка. Я еще не закончил. Если ты выслушаешь, ты поймешь. Что я совсем недавно сказал тебе? Я сказал, что разобрался с этой историей. Не так ли?

– Ты уходишь, да? Ты уходишь с ней!

Она заплакала. Сеит взял ее за плечи.

– Расскажи-ка, откуда ты поняла, что я ухожу?

Мюрвет, вытирая слезы, сказала:

– Сегодня вечером ты очень веселый и добр ко мне. Ты, наверное, хочешь, чтобы я всегда помнила тебя таким.

Сеит не смог сдержать смеха.

– Значит, ты решила, что я ухожу именно потому, что я хорошо себя веду сегодня, моя маленькая женушка?

Мюрвет пробормотала:

– Если ты в достаточной степени развлекся, то можешь уже идти.

Сеит поднялся и притянул ее к себе. Мюрвет не хотелось смотреть в глаза мужу. Она закрыла глаза.

– Значит, я вел себя хорошо, потому что собираюсь уйти? Прекрасно, тогда у меня для тебя есть новость, маленькая глупышка. До конца своих дней тебе придется жить вместе с человеком, который будет плохо себя вести. Потому что этот человек никуда не уйдет.

Мюрвет открыла глаза. Неужели то, что она слышит, – шутка? Она не могла поверить.

Сеит продолжал:

– Мы поговорили с Шурой. Она покинула Стамбул. Она на пароходе и в данный момент плывет во Францию. А я здесь, с тобой.

Мюрвет все еще не могла говорить. Она молилась, чтобы этот сон не закончился.

– Ты ничего не скажешь? – спросил он.

– Сеит, я не знаю, что сказать. Я очень устала. Но я очень счастлива.

– Моя маленькая жена, сейчас ты понимаешь, почему я сказал тебе не расти. Ты навсегда сохранишь свою детскую душу. И я очень люблю тебя за это.

Мюрвет сначала неуверенно, а затем смело обхватила руками шею мужа и, закрыв глаза, отдалась его поцелуям.

Золотой Рог блестел под луной. Запах жимолости пьянил сильнее после выпитого спиртного. Мюрвет чувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Эта ночь окажется совсем другой, она знала. Она немного выросла этой ночью.

* * *

По мере того как приближались роды, Мюрвет начала предаваться необъяснимым страхам. Ее постоянно тошнило, часто голова кружилась, ноги и руки коченели. Она не могла понять, то ли она заболела от волнения, то ли симптомы болезни создавали в ней волнение. Она постоянно думала о том, будто с ней случится что-то нехорошее. Целыми неделями ей кусок в горло не лез. Несмотря на старания Сеита, еду, что она клала себе в тарелку, в итоге почему-то оставляла нетронутой. Единственное, что она могла есть, – каленый горох-нут. Она перекусывала им на завтрак, обед и ужин.

Мюрвет проводила дни без особых забот по дому. Да и Сеит просил ее излишне не напрягаться. Их совместная жизнь шла своим чередом, но, по правде говоря, Мюрвет снова что-то пугало. Она боялась остаться одна на момент родов. Всю юность она провела с мыслью и надеждой, что однажды станет матерью, а теперь у нее в животе постепенно рос ребенок, ее ребенок, и от этого радостно делалось на сердце, но, когда заходил разговор о родах, ей на ум тут же приходили детские воспоминания о том, что переживали женщины, рожавшие в ее квартале. Истошные крики, стоны, которые длились часы, а иногда и дни напролет, – само воспоминание о них вызывало головную боль. Она не могла взять в толк, как выйдет из нее

ребенок, от которого так увеличился, округлился и распух живот. Она вспоминала разговоры о женщинах, умерших во время родов от потери крови и рваных ран.

Когда Мюрвет была ребенком, разговоры о беременных женщинах, родах, выкидышах, роженицах были в порядке вещей. Бабушка Мюрвет по отцу была повитухой, и в районе Махмутпаша не было ни одного дома или особняка, где она бы не побывала. Бабушка Хашиме сбежала вместе с восьмилетним сыном Хасаном из крымского Бахчисарая во время Русско-турецкой войны 1878 года. Когда она приехала в Турцию, ей было всего двадцать два, а она уже была вдовой.

Хашиме поселилась в районе Менгене, выделенном государством крымским беженцам, и слава о ней разошлась за короткое время по всему району. Она носила с собой на поясице шелковый шнур и цепляла на него пуговицу за каждую здоровую роженицу. Считать эти пуговицы, которые надевала бабушка, было для Мюрвет веселым наслаждением. Когда бабушка умерла, на ее поясе насчитали пятьсот девяносто девять пуговиц.

«Вот бы бабушка была жива, с ее помощью я бы легко родила ребенка», – часто думала она.

«Аллах поможет тебе, и ты родишь, как я, как твоя бабушка со стороны отца, как твоя бабушка со стороны матери, иншаллах. И твоя повитуха, и я будем рядом с тобой», – бывало, говаривала Хашиме внучке. Но этого совершенно не хватало Мюрвет, чтобы успокоиться. И вот теперь бабушки нет рядом. До ее родов, если все будет хорошо, остался месяц, и ей уже не хотелось быть дома одной, хотелось быть рядом с мамой. Но у них с Сеитом все шло настолько хорошо, что она не хотела нарушать порядок.

В те дни, помимо страха родов, Мюрвет жаловаться было не на что. Дела у Сеита шли прекрасно.

Однажды вечером Мюрвет, накрыв стол, ждала мужа, и Сеит пришел, полный радости, с песнями и свистом. Его волнение можно было прочесть по глазам, он не мог устоять на месте. Он с жаром обнял жену и поцеловал.

– Давай, сейчас же приготовься, Мюрвет. У меня для тебя сказочный сюрприз. Давай, давай, поторопись!

Мюрвет уже поняла, что каждый день жизни с Сеитом был наполнен сюрпризами. Она засмеялась.

– Ну что у тебя опять, Сеит? Куда мы идем? Что мне надеть? Хотя бы намекни, ради Аллаха.

– Придем, и увидишь. Оденься шикарно, в высшей степени шикарно. Ладно?

Мюрвет указала на живот:

– Как может одеться шикарно в таком положении...

Сеит, обняв жену за талию, повел ее по направлению к спальне.

– Нет, Мурка. Я не принимаю возражений. Ты сейчас же оденешься, и мы идем вместе. К тому же ты в этом положении выглядишь настолько прекрасно, что нет никаких оснований переживать. Рассказать о сюрпризе нельзя, тебе нужно его увидеть, понимаешь?

Пока Мюрвет одевалась, она слушала песни мужа. Что могло так обрадовать Сеита? Она надела темно-бордовое шифоновое платье, серьги с маленькими рубинами и брошь. Надев на голову шифоновый тюрбан в тон платью, она выпустила из-под него на лоб и уши завитки вьющихся волос. Глаза подчеркнула сурьмой. В последний раз окинув себя в зеркале оценивающим взглядом, повернулась боком и посмотрела, как выглядит ее увеличившийся живот. Да, несмотря на беременность, она была привлекательной и красивой. Самым приятным было отражение счастья, которое струилось из ее глаз. Довольная собой, с улыбкой она вышла из спальни. Сеит протянул ей руку. Веселые, они вышли из дома.

Некоторое время спустя извозчик высадил их в районе Тепебаши, на улице Тимьйони. Мюрвет чувствовала себя очень некомфортно в свой первый приезд на эту улицу в Бейоглу –

это был чужой для нее район. Тепло первого июньского вечера, принесшего сладкий покой, на этой улице было еще более явным. Даже запахи были другими. Смех, доносившийся из дверей, запах спиртного, табака, парфюма – все это заставило Мюрвет вздрогнуть. Сеит спросил:

– Видишь ту дверь, что прямо перед нами?

На одной табличке на этой двери было написано: «Ресторан “Крым”». На другой табличке, должно быть, написано то же самое на русском. Вопрошающим взглядом она посмотрела на мужа, догадавшись, что Сеит собирался встретиться с новоприбывшим из Крыма другом, а возможно, привел ее, чтобы просто отобедать в русском ресторане. Сеит открыл дверь. Сняв шляпу, он воскликнул:

– Проходите, милая госпожа! Добро пожаловать в «Крым»!

Удивление Мюрвет нарастало. Она вдруг обнаружила себя в огромном, невероятно шикарном ресторане. Стены зала были полностью покрыты хрусталем и зеркалами. Иссиня-черное пианино с бронзовыми подсвечниками стояло так величественно, что Мюрвет неожиданно захотелось научиться играть на нем. Затаив дыхание, она смотрела на фарфоровую посуду, украшавшую столы. Сеит в тот момент разговаривал по-русски с двумя господами, появившимися в дверях. По его виду Мюрвет поняла, что он давал им некоторые указания. Затем, улыбаясь, направился к ней.

– Что скажешь, красиво, не так ли?

– Сказочное место, Сеит. Шикарное.

Сеит взял ее за обе руки и усадил за стол.

– Сядь! Я должен тебе кое-что сказать, но не хочу, чтобы от удивления ты упала. И смотри не расплачься от радости!

Он со смехом наблюдал за Мюрвет, а потом снова спросил:

– Даешь слово?

– Даю.

– Ты готова? Вот... Владелец этого сказочного, шикарного ресторана сейчас стоит перед тобой, Мурка.

Мюрвет замерла и открыла рот.

– Да, моя Мурка, ты не ослышалась. Это место теперь наше.

Молодая женщина с гордостью осмотрелась.

– Я долго возился, но вот что вышло. Завтра вечером ресторан должен открыться. Я хотел, чтобы ты раньше всех его увидела, не мог ждать до завтра. Что скажешь?

Мюрвет, с трудом оправившись от удивления, глубоко вдохнула. Ей очень понравилось слово мужа «наше». Она не могла понять, какая связь была между этим рестораном и ею самой, однако же безумно нравилась мысль о том, что она – жена хозяина такого заведения. Внезапно ей на ум пришел вопрос:

– Ты продал прачечную?

Сеит, подтянув стул, сел рядом.

– Нет. Но дела там застопорились. Правда, с тех пор как счетами занимается Петр Сергеевич, я спокоен. Но это дело – совсем другое. Ты можешь представить себе, что это место будет каждый вечер наполняться людьми? Будут играть на пианино, аккордеоне, будут петь песни, танцевать...

Сеит с воодушевлением продолжал говорить. Мюрвет почувствовала, что в один миг ее радость улетучилась. Такие вещи отдаляют их друг от друга. Работа здесь означала, что Сеит снова может не возвращаться ночевать. Здесь будут выпивать, петь песни, танцевать. Сеит каждую ночь будет таким образом развлекаться.

В этот момент девушка, отодвинувшая ширму, отделявшую кухню от зала, словно подтвердила опасения Мюрвет. С подносом, на котором стояли напитки и тарелки с закуской, она приблизилась к столу. Улыбка, появившаяся на ее губах, когда она по-русски поприветство-

вала Сеита, заставила сердце Мюрвет вздрогнуть. Она не могла не вспомнить тот день, когда встретила с Шурой. Она снова, как в тот день, чувствовала себя по-детски беспомощной и неопытной. Она хотела было ответить на вежливое приветствие русской девушки, но не сумела. Улыбка застыла у нее на губах. Она злилась на Сеита из-за того, что он заставил ее попасть в это положение, не смогла открыть рот и что-то сказать или, по меньшей мере, совладать с моментом, в котором находилась. Она сердилась на себя.

Сеит по-русски начал разговаривать с официанткой, которая наполнила рюмки водкой. Девушка отвечала, указывая на столы и стулья. Было понятно, что разговор связан с рестораном. Но одной мысли о том, что ее муж вместе с этой девушкой будет работать в этом месте, было достаточно, чтобы Мюрвет испытала приступ тошноты.

И пока Мюрвет сидела и думала, как ей справиться с неожиданной бедой, из-за ширмы начали выходить другие девушки. С подносами в руках они накрывали на пустые столы. Они говорили между собой тихими голосами и пересмеивались. Мюрвет задергалась, вообразив, что все эти смешки относятся к ней. Она знала, что это чепуха, но не могла совладать с собой и словно прилипла к стулу, на котором сидела. Когда раздалось слово Сеита, она пришла в себя.

– Сейчас для нас сыграют музыку, Мурка. Только для нас. Давай, моя маленькая Мурка, за благополучие!

Муж посмотрел ей прямо в глаза:

– Все в порядке, Мурка? Что случилось?

Закашлявшись, Мюрвет пробормотала:

– Со мной все хорошо, Сеит. Наверное, я немного устала, только и всего.

– Стаканчик раки приведет тебя в чувство. Мы отведаем прекрасной еды, послушаем музыку.

Мюрвет старалась подстроиться под мужа. Но это выходило у нее с трудом. Еда была превосходна, но у нее не было аппетита. Несмотря на то что Сеит настаивал, она не положила в борщ сметану.

– Мурка, у каждого блюда есть свои правила. Борщ едят со сметаной. Давай, не упрямясь. Попробуй разок, будешь в восторге.

– Сеит, не лезет, я не хочу. Оставь, я так съем, Аллахом заклинаю.

Сеит, засмеявшись, погладил ее по щеке:

– Ладно, ладно, не плачь, дитя мое, ешь так, как хочешь.

Мюрвет подумала о том, что никогда не сможет вырасти настолько, чтобы привыкнуть к образу жизни мужа. Но она, по крайней мере, не должна так плакать по пустякам. В сущности, ей хватило двух глотков раки для того, чтобы успокоиться. Этот ресторан – всего лишь работа мужа, а работавшие в заведении девушки – всего лишь часть этой работы. В этом нет ничего, на что стоило бы обижаться. Сеит время от времени гладил жену по щеке и, глядя ей прямо в глаза, с насмешливой улыбкой настаивал, чтобы она смотрела на него так же. Сделав знак рукой юноше, который все время ждал у дверей, он позвал его к себе.

– Сейчас же беги в бар «Ориент»! Сообщи там Искендеру-бею, Манолу-бею, кого из них найдешь, что я жду их здесь, хорошо? Беги!

Юноша уважительно ответил:

– Слушаюсь!

Стоило ему только выскочить из ресторана, как музыканты по одному начали занимать свои места. Все они были русскими. Мюрвет забыла о внутренней тревоге. Она улыбнулась и посмотрела на мужа.

Сеит обрадовался повеселевшему лицу своей жены. Он хотел видеть ее такой всегда. Пусть она смеется, развлекается, хохочет, поет с ним, пьянеет.

Его жена начала получать удовольствие от вечера. При свете свечей, которые, дрожа, горели на столе, в сопровождении сказочной музыки она вместе с мужем сказочно проводила

время. Огромнейший зал принадлежал только им и был только в их распоряжении. Не было ничего, что могло бы разрушить это волшебство.

В зал с хохотом вошла группа мужчин. Сеит с радостью вскочил:

– Вот они!

Молодые люди были незнакомы Мюрвет. Она еще не знала ни одного из друзей мужа. Жизнь, которую Сеит проводил вне дома, была загадкой для Мюрвет. Но в этом вина была на ней. Разве она, каждый раз, когда Сеит хотел привести ее в Бейоглу, не отказывалась, а когда он хотел позвать русских друзей домой, не капризничала и не рушила его планы?

И снова что-то тяжелое сжало ее сердце. До сих пор она не садилась за один стол с несколькими мужчинами, если не считать своего отца, старшего брата и близких родственников. И хоть она была рядом с мужем, ей все равно было не по себе. Как хорошо, что в этот момент мать не видела ее, ведь она твердила, что в районе Бейоглу не бывает женщин из порядочных семей. Интересно, что сейчас думают о ней друзья ее мужа? Возможно, они считают ее легкомысленной. Но они – друзья Сеита. Кроме того, все они вели себя очень деликатно по отношению к ней. И снова волнение проявилось у нее на лице. Сеит же вел беседу с большим удовольствием. Мужчины разговаривали между собой по-русски. В какой-то момент муж, повернувшись к Мюрвет, подбодрил ее:

– Я должен научить тебя русскому, Мурка. Ты обязательно должна его выучить.

Мюрвет испытывала ревность к этому языку. Когда ее муж говорил по-русски, он будто возвращался в старую жизнь и покидал ее.

Друзья Сеита представились. Искендер был очень высоким, крупным, красивым мужчиной. Он присоединился к армии Врангеля и бежал в Стамбул. Манол тоже был добровольцем. Он успел сесть на последнее судно, отплывавшее из Севастополя. Петр Сергеевич присматривал за бухгалтерией прачечной. Мюрвет смутно припоминала его, так как видела этого человека лишь однажды.

Беседа мужчин набирала обороты. Мюрвет в какой-то момент услышала имя Шура и тотчас напряглась. Все эти люди прекрасно знали Шуру и ее прошлое, связанное с Сеитом. Наверняка все они были от нее в восторге. Мюрвет думала, что было бы, если сидела бы на ее месте сейчас Шура. Должно быть, она бы развлекалась. Шура могла бы говорить с ними на том же языке. Она бы не смущалась сидеть с мужчинами за одним столом и выпивать спиртное. Мюрвет с ревностью представила молодую женщину с белоснежной кожей, голубыми глазами, волосами пшеничного цвета, высокую и привлекательную. Конечно же, Шура присоединилась бы к беседе. Мюрвет почувствовала, что сидит не на своем месте. Она словно гость в мире, к которому не принадлежит.

В этот момент друзья Сеита немного успокоили Мюрвет. Зять тетушки Мюрвет, Осман, по случайности оказался еще и зятем тетушки Сеита. Убегая от большевистской революции, он потерял молоденькую жену и ребенка и, оказавшись в Стамбуле, несколько лет приходил в порт и ждал новостей с каждого проходящего судна, от каждого новопривывшего беженца, однако в конце концов сдался и обиделся на судьбу. Сейчас он предал прошлое забвению и старался быть счастливым с новой женой. Это он показал Сеиту Мюрвет и занимался их свадьбой, а на свадьбе был шафером Сеита.

Мюрвет зашептала на уху Осману:

– Осман-агабей, если о том, что я здесь, узнает мама, она на меня страшно разозлится. Ради Аллаха, не сболтни ей!

Осман засмеялся.

– Ладно, ладно, не беспокойся. Ты что, думаешь, я пойду и нажалуюсь на тебя Эмине? С чего этот беспочвенный страх? Ты уже замужняя женщина и можешь ходить вместе с мужем туда, куда хочешь. Разве ты должна отчитываться матери и братьям?

– Ты же знаешь мою маму, Осман-агабей.

– Я понял. Я ничего не скажу, Мюрвет. Но ты слишком мучаешь себя. Живи своей жизнью с мужем. Посмотри-ка на эту красоту! Каждый вечер ты можешь, как королева, приходить сюда, чтобы отобедать, послушать музыку, насладиться вместе с мужем...

Сеит прервал его речь:

– Обо мне сплетничают?

Осман тут же сменил тему:

– Сеит, поздравляю! Ты преуспел в великолепном деле. Удачи тебе!

Сеит поднял бокал:

– Спасибо, Осман. Пусть дело потихоньку идет. Давайте, на здоровье!

Мужчины за столом подняли бокалы, а затем начали подпевать песне, которая зазвучала в тот момент.

Русские официантки принесли новые бутылки. Мюрвет никак не могла разгадать их. Общение этих русских девушек с мужчинами было в высшей степени теплым. Лица друзей Сеита были спокойными и веселыми, будто они разговаривали со своими друзьями. Разговоры иногда доходили даже до хохота.

Одна из девушек вышла на сцену и спела русскую народную песню – ей аккомпанировали балалайка и аккордеон. Музыка была настолько трогательной, что Мюрвет прослезилась.

Внезапно Мюрвет захотелось вернуться домой. Она захотела оказаться в спокойном, далеко от шума надежном мире своего дома и хотела, чтобы муж был рядом. Ее голова закружилась, ее затошнило. Облокотившись на стол, она обхватила голову ладонями.

Сеит тут же ее обнял:

– Что с тобой, Мурка?

Она не могла ответить. Всех сидящих за столом охватило беспокойство. Одну из девушек-официанток послали за водой.

Мюрвет насилу произнесла:

– Я хочу домой...

– Такое часто случается из-за беременности, – разъяснил Сеит с беспокойством смотревшему на них Осману.

Затем он встал и подал жене руку. Супруги попрощались с друзьями. Сеит поблагодарил Османа, который довел их до дверей.

– Ты окажи гостеприимство друзьям, Осман, завтра вечером увидимся. Спокойной ночи!

Мюрвет не помнила, как они сели на извозчика, как приехали домой, поднялись на верхний этаж и вошли в спальню. Сеит с нежностью уложил ее, снял с нее одежду и надел на нее ночную сорочку. Вот бы они всегда были так, в своем доме, наедине друг с другом. Если бы весь интерес Сеита, вся его любовь доставались только ей одной, насколько хорошо тогда было бы. Ей не пришлось бы делить его ни с кем. И в ту ночь она приняла решение больше не ходить в ресторан Сеита. Она ощутила там, насколько, в сущности, далек от нее Сеит, и не хотела переживать это вновь.

На следующий день Мюрвет осталась в постели, сославшись на тошноту и головокружение. Мысль о том, что ее положение удержит Сеита на какой-то срок дома, заставляла Мюрвет выглядеть больной. Ближе к обеду Сеит принял ванну и побрился, надел тщательно выбранный костюм. Он поцеловал свернувшуюся в кровати и провожавшую его беспомощными взглядами жену.

– Ты отдохни еще немного, Мурка. Вечером, часов в восемь, я отправлю за тобой извозчика. У тебя еще много времени.

Мюрвет пробормотала:

– Не надо посылать извозчика, Сеит. Я не могу пойти. Мне нехорошо.

– К восьми ты придешь в себя. Я не хочу, чтобы ты пропустила такой вечер.

Будучи уверенным в том, что они договорились, он поцеловал жену в щеку и вышел.

Как и обещал Сеит, извозчик прибыл ровно в восемь. Отправив извозчика обратно, Мюрвет снова легла в постель.

Сеит, ждавший приезда жены до половины девятого в кабинете на втором этаже и пристально смотревший в окно, узнав, что она не присоединится к нему, забеспокоился.

В кабинете, помимо рабочего стола из орехового дерева, была латунная кровать с противомоскитной сеткой, помещенная между двумя колоннами. Кровать была отделена от комнаты бархатным занавесом. Он посидел на кровати некоторое время и спустился в зал. Столы один за другим заполнялись роскошными дамами и господами. Русские официантки ходили между столами. Играл оркестр. Как бы хотел Сеит сейчас спуститься по лестнице под руку с женой, чтобы другие женщины с завистью наблюдали за черными-пречерными, подведенными сурьмой глазами Мурки, ее маленьким вздернутым носом и тонюсенькими щиколотками. Насколько счастливым его могли сделать восторженные взгляды пришедших, обращенных на его маленькую жену, на ее сияющие глаза и зарумянившиеся после одного бокала щеки. Но она не пришла. Может быть, она не захотела. Может, ей все это не понравилось. Он подумал о том, что, возможно, Мюрвет к нему больше никогда не присоединится. Неужели вчера вечером он принудил ее к чему-то из ряда вон выходящему? Почему жена не хотела научиться получать удовольствие от его жизни? Почему она не хотела понимать его и делить с ним его друзей, его песни, его язык?

Но сейчас было не время для вопросов и ответов. Он присоединился к гостям.

Немного спустя Сеит позабыл о своей маленькой жене, которая не хотела разделить его радость, и о своем доме, и о том, что он пережил в Стамбуле. Он ходил от стола к столу и поднимал бокал за здоровье друзей, которые не оставили его одного. Этот вечер был его вечером. Он собирался им наслаждаться.

* * *

Осталось немного времени до родов Мюрвет. В последний раз, когда повитуха Шевкийе пришла, она сказала: «Если Аллах будет милостив, то дней через пятнадцать ты разрешишься». Прошло три дня. Даже на стуле Мюрвет не могла сидеть ровно. Кожа на животе напряглась так, будто собиралась лопнуть. Ожидание родов, смешавшееся с испугом и волнением, заставляло ее хорошенько нервничать. Сеит так мало времени проводил дома, что Мюрвет с большой вероятностью могла остаться одна в момент родов. Одна только мысль об этом заставляла ее плакать. Однажды за обедом она решила поговорить с ним.

– Сеит, давай позовем к нам мою маму на время родов. Я очень боюсь, а она могла бы помочь.

– Я найду и пришлю тебе ту, которая будет помогать тебе.

– Сеит, разве можно чужого человека сравнить с матерью? Разве плохо, если рядом со мной будет именно она?

Сеит не стал спорить на эту тему, хотя не желал снова жить в большой семье. Улыбнувшись, он посмотрел в лицо Мюрвет, которая, видя его сомнения, чуть не плакала.

– Хорошо. Пусть твоя мать приедет к нам.

Мюрвет радостно заволновалась.

– Мне нужно приготовить для нее комнату.

– Не утруждай себя, не вставай. Я отправлю из ресторана человека. Тебе помогут.

Поцеловав жену, он вышел.

Одной из тех вещей, которые не мог постичь ум Сеита, было то, насколько его маленькая жена часто использовала слова «стыд» и «грех». По ее мнению, почти все было стыдом и почти все грехом. Он с досадой вспомнил о том, что при ее семье он не мог поцеловать жену, положить руку ей на плечо, пошутить. Теща буквально пронизывала его своими зелеными-презе-

леными глазами, полными подозрения. Возможно, когда он проснется следующим утром, эти глаза снова будут перед ним.

Но другого выхода не было. Правда, на этот раз дом, в котором они собирались жить вместе, был домом Сеита. Может быть, и их отношения изменятся. Как-никак это иначе, чем жить в доме жены перед свадьбой. Эта мысль немного успокоила Сеита. Подходя к дверям прачечной, он невольно улыбнулся. Жизнь казалась странной, но снова прекрасной. Сейчас даже мысль о том, что теща приедет к нему в гости, была радостна. поприветствовав девушек, крахмаливших одежду, он направился к ожидавшему его бухгалтеру Петру Сергеевичу.

* * *

Эмине была задумчива. Ее прекрасная большая семья, которой она всегда так гордилась, раздроблена, и с этим ничего не поделаешь. После того как Мюрвет с мужем покинули дом, ее приемный сын Хакки принял решение продать их общий дом, в котором они жили все вместе. Он хотел купить дом, где он жил бы со своей женой и детьми и который принадлежал бы только ему. Эмине думала о том, сколько сил она потратила, чтобы вырастить сына от первой жены мужа наравне со своими детьми, в доме, который ей остался на память о муже. Неужели столько лет прошли впустую? Ведь она даже в тот момент, когда ее тяжелобольной муж слег, пахала как вол, тратила все силы без остатка, держала на себе дом, еле зарабатывая на тепло, ради детей! Даже в годы войны, когда она лезла из кожи вон, она не думала о том, чтобы продать этот дом. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Каждый закрывается в своей маленькой скорлупе и будет жить тихо и спокойно.

В конце концов вышло так, как хотел Хакки, и дом был продан. Из денег, полученных от продажи дома, Эмине и Хакки выпало по сотне золотых. Мюрвет, Фетхийе и Неджмийе выдали по тридцать золотых. На переезд расходы составили пятнадцать золотых. Так как Мюрвет вышла замуж и уехала, мать отдала ей свою долю. Обиду, которую она ощущала, когда собирала вещи, необходимо молча пережить, твердила она себе. Ее обязанностью было проявлять заботу о семье, защищать ее, обеспечивать покой в доме, и все это, в сущности, она сделала добровольно, не ожидая и не прося ни от кого помощи. И снова ее охватил страх, что дни ее старости пройдут в одиночестве. Мюрвет она отдала зятю, который прибыл из России. Приемный сын Хакки, который вырос у нее на руках, так изменился, с тех пор как женился... Дети не замечали, что переживала их мать.

В тот день, когда голова Эмине была забита подобными мыслями, появившийся в дверях мальчик принес письмо от Мюрвет. Эмине с удивлением и радостью прочитала, что дочь зовет ее к себе.

«Мы вместе с Сеитом ждем тебя», – писала Мюрвет. Значит, Эмине напрасно столько времени огорчалась. Если бы они еще разок попробовали, может быть, у них и получилось бы жить вместе. Кроме того, ее дочь в данный момент очень нуждалась в ней. Эмине почувствовала страстное желание взять на руки ребенка дочери, посмотреть на него.

Грусть прошла. С волнением она начала собирать вещи, которые принадлежали ей и ее дочери. Аллах любил ее. Она собиралась снова основать большую семью с дочерьми, зятем и внуками.

Несмотря на то что Мюрвет с большим нетерпением ожидала приезда матери, она была довольна тем, что та попросила день-два на сборы. Мюрвет впервые предстояло принимать мать в доме, где она сама была хозяйкой, и ей хотелось, чтобы все было безупречно. Пухлая сильная гречанка, которую направил из прачечной Сеит, и пришедшая из ресторана молодая официантка помогли Мюрвет с приготовлением комнаты, которой отвели роль гостевой.

Эмине приехала спустя два дня после того, как получила письмо. Она привезла с собой и Неджмийе. Мюрвет обезумела от радости, увидев перед собой мать и маленькую сестру. Она

обожала обеих своих сестер, но для Неджмийе, которая была на шесть с половиной лет младше нее, она практически была матерью. Во время путешествий, которые совершала Эмине в Анатолию в годы войны, чтобы собрать провизию, Мюрвет всегда приходилось приглядывать за сестрами и больным отцом. С Фетхийе она тоже проводила много времени, но разница между ними была только три года.

Когда Мюрвет вошла на кухню, чтобы сварить матери кофе, она начала с любопытством думать о том, что будет, когда муж вернется с работы. Она надеялась, что мать с мужем поладят. Мать с сестрой, попивая кофе, сидели у окна и были в упоении от того, что увиделись. После они принялись доставать и раскладывать распашонки, готовя одежду будущему ребенку, и вели беседу. Эмине долгое время была далеко от Мюрвет, и сейчас она интересовалась, как идет жизнь ее дочери, какие отношения у нее с мужем, чем занимается Сеит. По блеску в глазах дочери и порядку в доме она решила, что дела в порядке.

В те же часы, в своем кабинете на верхнем этаже ресторана на улице Тимьйони, Сеит думал о жене. Немного ранее он отправил человека узнать, не нуждается ли в чем Мюрвет, и выяснил, что теща приехала с маленькой свояченицей. Принесшему весть посыльному он протянул список и деньги:

– Быстро купи все это и тут же отнеси домой. Если у них есть другие пожелания, спроси. Я буду дома к ужину. Это тоже передай. Ты понял?

Когда дверь закрылась, он вновь погрузился в размышления. О чем они будут говорить вечером с Эмине? Он хорошо знал, что думает теща о его работе. Сеит будто сейчас слышал, как она говорит соседке, что «стыдится того, что ее зять управляет в Бейоглу рестораном с музыкой и алкоголем». Покачив головой, он засмеялся. Он ничего не мог поделать – ни изменить их, ни измениться самому. Он находил странным то, что, несмотря на небольшую разницу в возрасте (Эмине была старше его всего на пять лет), они смотрели на жизнь с абсолютно разных точек зрения, будто люди из разных эпох. Это была не просто разница женщины и мужчины. Между ними была гораздо бóльшая пропасть.

Улицы и здания, целый день впитывавшие июньское солнце, с первой вечерней прохладой принялись возвращать накопленный жар. В это время суток вся Пера могла свободно вздохнуть после рабочих часов до начала яркой жизни, взрывающейся здесь по ночам. Сейчас было идеальное время, чтобы пойти домой. Сеит хотел снова вернуться на работу до девяти вечера. Он был уже готов надеть пиджак, как услышал, что его ищут. Голос показался ему знакомым. Он выскочил на лестницу и радостно закричал:

– Хасан! Маленький Хасан!

Сеит быстро спустился по лестнице. Юноша поспешил к нему. Они обнялись. Возможность вновь увидеть перед собой сына сестры Ханифе взволновала Сеита настолько, что он чуть было не заплакал. Крепко сжав плечи юноши, он посмотрел ему в глаза.

– Наш маленький Хасан, значит, и ты приехал сюда. Я говорил себе: не напрасно я вдыхаю запах Крыма. Оказывается, это ты приехал.

Сеит говорил правду. В тот момент, когда он увидел Хасана, откуда-то резко подул ветер, заставивший забыть жару июня. Это был ветер, с берегов Алушты донесший в Пера запах крымских виноградников.

Семья растет, тоска и одиночество не проходят

С тех пор как Эмине и Неджмийе приехали в дом Сеита, прошло три дня. Сеит, как и всегда, покидал дом после обеда и возвращался в утренние часы. Эмине не была довольна таким распорядком дня зятя. По ее представлению, женатый мужчина должен с утра ходить на работу и возвращаться домой вечером на ужин. Да и потом, что значит управлять рестораном в Бейоглу? Разве это прилично? Сейчас самым важным для нее стали здоровые роды дочери. Заранее были приготовлены корзина для ребенка, простыни для постели роженицы, покрывала.

Нельзя сказать, что Сеит проявлял большой интерес ко всем этим хлопотам. Кроме того, ребенок иногда казался ему некоей помехой – как только-только начавшим налаживаться отношениям с женой, так и другим возможным планам. Он не был до конца уверен в том, что хочет жить в Стамбуле, – иногда закрадывалась мысль о Париже или Нью-Йорке, и тогда переезд с большой семьей представлялся огромной сложностью. Мюрвет слишком поторопилась с этим ребенком.

Единственное, что он мог сделать, – обеспечить домашним комфортное проживание. Сеит думал о том, что после рождения ребенка дом, в котором они живут, станет казаться маленьким. До родов Мюрвет оставалось совсем чуть-чуть, и в течение одного-двух дней он внезапно решил сменить место жительства. На ловца и зверь бежит. Придя домой, Сеит застал в гостях Реджепа – зятя дяди Мюрвет. У Реджепа был трехэтажный дом с видом на Касым-паша. Когда гость сказал, что средний этаж дома освободился и они могут туда переехать, если хотят, Сеит даже не спросил цену за аренду. Он тут же согласился. Мюрвет застыла в удивлении.

– Сеит, мы же только поселились здесь! Три дня назад покрасили гостевую комнату, разместились! До родов осталось совсем немного дней! Как же нам переезжать?!

Сеит улыбался, но в его глазах загорелись упрямые огоньки. Раз он принял решение, то никто больше не может удержать его в этом доме.

– Дело сделано. Мы переезжаем.

Он радовался тому, что все так просто разрешилось.

Мюрвет, набравшись храбрости, запротестовала:

– Сеит, мы отдали за этот дом огромное количество денег!

– Что отдано, то отдано, Мурка. Разговор закончен. Поверь, тебе там будет лучше.

Мюрвет сдалась. На следующий день они переехали и разместились в новом доме до наступления ужина. Мюрвет убедилась, насколько правильное решение принял муж. Квартира, в центре которой находился широкий коридор, имела четыре большие комнаты. Кроме того, в ней была огромная кухня с мраморной столешницей и ванная. Из всех окон открывался прекрасный вид. Когда Сеит увидел, что все идет, как надо, он ушел из дома, возвращаясь к работе. Он был в хорошем расположении духа, когда, уходя, целовал жену.

– Ну что, плохо вышло? Две комнаты мы выделим теще. Может быть, мама захочет забрать сюда и Фетхийе. Пусть – им будет здесь спокойно.

Мюрвет улыбнулась. Ее глаза смотрели с благодарностью. Как же сильно она любила мужа! Как же хорошо они сделали, что переехали! После того как он закрыл за собой дверь, она побежала в новую спальню и с волнением смотрела на море в окно большой спальни комнаты. Она пробормотала про себя: «Спасибо Тебе, мой Аллах!»

Но не рано ли было благодарить Аллаха? На второй день после их переезда в новый дом Эмине забрала Фетхийе, которую оставила у приемного сына. Теперь она была вместе с обеими дочерьми. Сестры так соскучились друг по другу, что не могли наговориться. В тот же день ближе к вечеру пришел Хасан с пакетами, полными продуктов.

Сеит арендовал для своего племянника маленькую квартирку рядом с рестораном, дал ему работу, так что юноша выглядел довольным жизнью. Мюрвет тут же пошла на кухню.

Хотя Эмине взяла приготовление еды в свои руки, Мюрвет сама предпочитала готовить тарелки с закусками, которые хотел видеть на столе Сеит. В сущности, Эмине никак не могла постичь необходимость такого количества холодного и горячего мяса и сыра на столе. Для нее это было не что иное, как расточительность. Вспоминая о голодных днях Первой мировой войны, Эмине с неодобрением смотрела на тарелки с суджуком, бастурмой, копченой рыбой. Разве можно было съесть все это за один присест? Но дочь не обращала внимания на недовольство матери.

И вот еда готова, стол накрыт. Мюрвет с волнением ждала мужа. Солнце уже зашло. Она не могла понять, почему Сеит задерживается. Она подогрела еду. После долгого ожидания вновь подогрела. В тот момент она старалась не пересекаться взглядами с матерью. Наконец они решили накормить Неджмийе и Фетхийе. Когда девочки, наевшись, легли, Эмине не выдержала:

– Твой муж не придет. Поешь! Не броди голодной.

– Я подожду Сеита, – упрямо отвечала Мюрвет.

– Если ты не думаешь о себе, то подумай о своем ребенке. Через несколько дней его понадобится кормить грудью. Если ты будешь ходить голодной, у тебя ничего не выйдет. Давай, не упрямясь.

Мюрвет не хотела спорить с матерью. Почему Сеит не пришел? Неужели с ним что-то случилось?

Ковыряя вилкой тушеное мясо в тарелке, она через силу поела. Куски застревали в горле, но она выросла с убеждением, что оставлять еду в тарелке – грех. Она ничего не говорила. Она боялась, что когда откроет рот, то разрыдается. Спешно убрав со стола, она занялась было мытьем посуды, но Эмине, отодвинув ее в сторону, сама встала у мойки.

– Отдохни немного. Я приберу на кухне. Давай, давай, я не приму возражений. Ты в ужасном состоянии.

– Спасибо, мама. Спокойной ночи!

– Давай, дитя мое, и тебе спокойной ночи!

Как только Мюрвет закрыла дверь спальни, то упала на кровать. Она тихо плакала, боясь, что ее всхлипы услышит мать. Она положила руки на огромный живот, который начинался прямо под грудью, наполненной молоком. Поводила по нему ладонями и ощутила привычные легкие удары. Должно быть, ребенок зашевелился, готовый к путешествию. Она с тревогой вздрогнула. Неужели она готова рожать? Она тотчас же вытянулась на спине и, замерев, принялась ждать. Еще один маленький толчок... И все; больше толчков не последовало. Должно быть, малыш передумал. Мюрвет зарылась в подушку и снова заплакала.

Когда она проснулась утром с первыми лучами, Сеита снова не было рядом. Она еще раз обдумала решение, принятое ночью. За завтраком она решила:

– Мама, я ухожу, захвачу и Фетхийе.

Эмине поставила на кухонный стол поднесенную было к губам чашку с чаем.

– Куда ты идешь?

– Я иду за Сеитом.

Голос Эмине был насмешливым.

– Сеит что, потерялся?

– Мама... Я пойду и найду его.

– Люди скажут: бегают по пятам за мужем. Стыд!

– Он не мог оставить меня в таком положении. Я иду, мама.

Она взяла с собой Фетхийе. Когда сестры пришли на улицу Тимьйони, Мюрвет заметила удивленные взгляды своей младшенькой сестры. Разве она сама не смотрела так же, когда

впервые появилась здесь? В ресторане две официантки делали уборку. Фетхийе проглотила язык от удивления, когда увидела русских девушек. Интересно, это те самые женщины, которых мама называет «плохими»? Фетхийе так и застыла. Какие же у них красивые лица и какие красивые волосы!словно золотая нить!

Пока Фетхийе глазела по сторонам, Мюрвет, приказав сестре ждать у лестницы, начала подниматься на второй этаж, держась одной рукой за перила, а второй – за живот. Через несколько ступенек остановилась. Интересно, правильно ли она поступает?

Дверь в кабинет Сеита была приоткрыта. Сердце Мюрвет стучало так, будто собиралось выпрыгнуть. Толкнув дверь, она вошла. Она увидела стоявшую за занавесом кровать с латунным изголовьем. На одном краю кровати спал Сеит, обхватив подушку. Рядом спала какая-то блондинка. В глазах Мюрвет вспыхнули молнии. Она с гневом потянула мужа за ногу. Сеит вскочил. Мюрвет не дала ему шанса на оправдание. Сдерживая слезы, она закричала:

– У тебя нет своего дома? Нет своей постели? Кто эта особа рядом с тобой?

Сеит, сжав губы, посмотрел на женщину, продолжавшую спать, несмотря на крики. Будто он впервые заметил ее существование. Он заговорил с невозмутимым выражением лица:

– Она абсолютно неизвестная мне особа. Тебе не о чем волноваться. Возвращайся домой.

Мюрвет выскочила из кабинета. Она схватила за руку Фетхийе и выбежала из ресторана. Верно она поступает или нет? Во взгляде Сеита не было ни малейшей досады, не было смущения. Муж придет домой. Но кто та женщина? И как она смеет лежать с ее мужем в одной кровати? Как вообще они могли так спокойно делить кровать, когда Мюрвет провела всю ночь в слезах, нося в своем животе готового родиться ребенка?

Она не знала, что сказать матери. Она не понимала, о чем разговаривать с Сеитом, когда тот вернется домой. Извозчик, которого они с сестрой остановили на улице, прибыл в Касымпаша. Мюрвет напрямик направилась в спальню и легла в кровать. Может быть, если она делает вид, что спит, ей удастся спастись от вопросов?

В тот момент, когда Мюрвет услышала голос матери, позвонили в дверь. Пришел Сеит. Эмине заглянула в комнату дочери:

– Поздравляю, твой муж явился.

Мюрвет нехотя встала. Не было никакого смысла скрываться. Рано или поздно она столкнется лицом к лицу с мужем. Сеит вошел в комнату. Он был в веселом расположении духа. Обняв жену, он смачно поцеловал ее в щеку.

– Ты лихая женщина, Мурка, поверь, очень лихая.

Несмотря ни на что, Мюрвет была счастлива видеть его дома рядом с собой. Но в то же время она хотела, чтобы он почувствовал, насколько она огорчена.

– Кто та женщина, Сеит?

– Почему ты так переживаешь по каждому поводу? – воскликнул муж. – Я разве не сказал тебе, что не знаю, кто она? Возможно, одна из девушек-официанток. Должно быть, упала от усталости, где пришлось. Поверь, до тех пор, пока ты не пришла, я понятия не имел, что она там спит.

Мюрвет недоверчиво пробормотала:

– Разве такое вообще возможно? Чтобы люди спали в одной кровати и не знали об этом?

Сеит засмеялся.

– Если много выпьешь, то, конечно, возможно. К тому же, ягненочек, между нами ничего не было. Поверь мне и больше не переживай.

Мюрвет хотела верить мужу. Она была на него очень зла, но хотела ему верить. Внутренний голос подсказывал, что Сеит любит ее. Она тоже очень любила мужа. Тогда она должна поверить тому, что он рассказал. Она склонила голову, будто показывая, что ее возмущение прошло. Сеит окончил спор, обняв жену и горячо ее поцеловав.

После того как Сеит вернулся домой утром, он больше дом не покидал. В ту ночь Мюрвет схватила резкая боль. Сеит вышел позвать повитуху – теща была уверена, что близятся роды.

Мюрвет стонала в кровати. Эмине собрала все медные кувшины, кастрюли, наполнила их водой и поставила кипятить на кухонную плиту. Она приготовила запасные полотенца и простыни. С большим хладнокровием она подбадривала дочь:

– Сделай глубокий вдох, Мюрвет, глубоко вдохни. Скоро повитуха будет здесь.

Но советы делать глубокие вдохи уже не помогали. В живот Мюрвет будто бы всаживали ножи. Она начала истошно кричать.

– Ай! Ай! Ай! Мамочка! Умираю!

Эмине, стирая пот со лба дочери полотенцем, улыбалась.

– Нет, дочка, ты не умираешь, а рожает. Ты обо всем позабудешь, когда возьмешь своего ребенка на руки. Поверь, очень быстро забудешь! Так, что сама себе удивишься. Постарайся, дочка, потрудишься.

Когда истошные крики Мюрвет усилились, Сеит пришел с повитухой. Опытная акушерка, не теряя времени, вымыла, смазала мазью руки и приступила к работе. После первого осмотра она довольным голосом объявила:

– Все идет по плану. Ребенок уже на пути к выходу. С позволения Аллаха роды пройдут хорошо. К тому же быстро-быстро.

– Иншаллах! – бормотала Эмине.

Для Мюрвет понятие времени стерлось. Боль в паху прерывала дыхание, кричать и вопить не было сил.

– Сделай глубокий вдох и задержи дыхание! – орала акушерка. – Голова показалась! Давай, девочка, сделай усилие! Задержи-ка дыхание!

Эмине подложила руку под затылок дочери и держала ей голову. Она мягким голосом предупреждала:

– Давай, дочка, задержишь дыхание и тем самым поможешь ребенку. Осталось совсем немного.

Мюрвет внезапно ощутила, что ужасная боль у нее в животе прошла, а между ног вместе с теплой жидкостью вышло что-то скользкое. Ее голова беспомощно упала на подушку, в глазах потемнело.

– Поздравляю с прелестной дочкой! Храни ее Аллах! – раздался голос повитухи.

Так появился на свет первый ребенок Мюрвет и Сеита.

Сеит, ожидавший в соседней комнате, был в высшей степени обеспокоен воплями жены. Как вынесет молоденькая Мюрвет пытку? Он ходил туда-сюда с тревожными мыслями, пока не услышал голос повитухи:

– Поздравляю, Сеит-бей, у вас родилась прелестная дочка.

Сеит до этого момента совсем не думал, кого он хочет – мальчика или девочку. Но внезапно он воскликнул:

– Вновь девочка? Теперь их в семье трое.

Он сам не понял, почему это сказал. В сущности, он не был готов стать отцом, не был готов слышать в доме голос ребенка, растить его, брать на себя за него ответственность. Ему показалось, что девочка усилит его одиночество в семье. Он не испытал большой радости. Он уже был готов пойти в спальню, чтобы увидеть жену, когда его остановила Эмине:

– Она очень устала. Не буди ее, хорошо?

Сеит разозлился на эти слова. Это его жена, которая родила их общего ребенка. Он все-таки вошел и склонился к кровати, посмотрев на побледневшее, уставшее лицо Мюрвет. Он легонько погладил ее щеку. Насколько же она была маленькой, насколько же она сама была ребенком, и, так и не повзрослев, сама родила ребенка.

– Я постелю тебе постель в той комнате, Сеит, – сказала Эмине. – Ты тоже устал.

Действительно, его теща стелила ему постель на тахте в соседней с их спальней комнате. Было понятно, что вместе с родами закончилась их личная жизнь. Уже сейчас ребенок был поводом разделить его с женой. В своем собственном доме он попал в положение гостя. Он не мог поговорить со своей женой, не мог лечь в кровать рядом с ней.

Сеит хотел что-то возразить, но передумал. Он только поцеловал жену в лоб и вышел из комнаты. Посмотрев на Эмине, он сказал:

– Не утруждайтесь, мама. Мне есть, где удобно спать. Не переживайте.

Затем спустился с лестницы и вышел из дома. Эмине с удивлением смотрела ему вслед. По правде, она совершенно не понимала поступков зятя.

* * *

Последние клиенты ресторана уже собирались уходить.

Сеит ответил на приветствие официанток и поднялся в свой кабинет. Несмотря на усталость, было непохоже, что сон придет к нему ночью. Он раскурил сигару и погрузился в мысли. До утра оставалось лишь несколько часов. Он не хотел признаваться себе, что совершил большую ошибку, женившись. Он не знал, что делать. Если бы здесь была Шура, может быть, она снова могла бы безмолвно разделить печаль Сеита, обняв его и молча слушая биение его сердца. Но ее не было.

Желание обосноваться в Стамбуле, создать новую семью и быть любимым подвело его. Он вспомнил слова, которые дал сам себе в одиночестве той ночи, когда проводил Шуру, – начать совершенно новую жизнь со своей маленькой женой, приложить усилия к тому, чтобы все получилось. Он собирался полюбить Мюрвет еще сильнее и научить ее проявлять свою любовь к нему... Но вот не выходило, не выходило, не выходило. Он подумал о рождении своих младших братьев. Какая же чудесная атмосфера витала у них дома, в Алуште! Как же счастливы были его мать с отцом! Он не мог припомнить, чтобы при родах отца с матерью разделяли. А между тем после родов его первого ребенка его самого выгнали из собственной спальни и собственного дома. «Может быть, мне суждена только разлука», – грустно подумал он. Да, он был женат на Мюрвет, и у них родилась дочь. Но в действительности он не знал, принадлежит ли Мюрвет ему, принадлежит ли ему ребенок, которого он еще не познал. Может быть, он с ними никогда больше не сможет стать одним целым. Мюрвет была частью страны, которая была ему чужой. Между ними невидимая граница, и Мюрвет никак не могла преодолеть ту границу и дотянуться до мужа.

Его пальцы обожгло. Вот и его жизнь, словно этот окурок, в конце концов превратится в пепел. Безысходность сжигала его. Хотел бы он знать, что ему делать, куда идти и как стать счастливым. Были ли беды всех его бежавших из России друзей такими же? Беглецы тосковали по Родине, которую они оставили, правда, некоторые со временем начинали думать, что они здесь действительно счастливы. Сеит завидовал таким счастливым. Он грустно улыбнулся и раскурил еще одну сигару. Может быть, несчастье – образ жизни, который выбрал для него Аллах? Должно быть, Всемогуший принял такое решение, расписывая судьбу Сеита, и до самого конца жизни у него не будет иного. В сущности, счастье должно быть чувством, которое человек испытывает, проживая вместе с окружающими его любимыми людьми, но в его случае это выглядело невозможным.

«Вот если бы у нас родился мальчик!» – вздыхал он. Тогда все могло быть по-другому. Сын принадлежал бы ему. Он брал бы его с собой, они гуляли бы вместе, он учил бы его быть мужчиной. Но появилась девочка, которую, вне всякого сомнения, вырастят со словами «стыд» и «грех» под строгим контролем бабушки и мамы. Дом внезапно стал чужим. Сеит вздохнул. Ему было необходимо немного поспать. Вытянувшись на кровати, он врубил себя сну.

* * *

Мюрвет проснулась. Теплый ветер развеивал шторы. От накрахмаленных простыней исходил приятный запах лаванды. Она машинально провела рукой по животу. Он стал совершенно гладким. Ее тело еще болело, но она чувствовала неопишную легкость. В доме ни единого звука. Лампа у изголовья кровати была оставлена включенной. Она набралась силы и приподнялась на локтях. Спinoй оперлась о подушку. Склонилась над колыбелью, расположенной прямо у изголовья кровати, и радостно вздохнула. Все еще не верилось. В люльке сладко спал ее собственный ребенок. Этого ребенка она родила сама, и он принадлежал ей. Она носила его девять месяцев и родила, испытывая боль. Она дотронулась до крохотного тельца. Сначала неуверенно, а затем с большей смелостью коснулась щеки девочки. Какая же она мягкая, эта щечка! Словно кожа – мягкий хлопок. У дочки было круглое лицо, крохотные губки, подбородок с ямочкой. В этот момент девочка внезапно сморщилась и заплакала. Тут же вошла Эмине и, взяв ребенка из люльки, протянула дочери:

– Малютка проголодалась. Она уже хочет материнского молока.

Эмине помогла Мюрвет расстегнуть ночнушку и расположить ребенка на груди.

– Ты в порядке, дочка? У тебя есть рези?

Когда Мюрвет утвердительно кивнула, мать продолжила:

– Не беспокойся, все пройдет. Разве легко – рожать? Машаллах, машаллах, посмотри на эту красоту! Посмотри-ка, как проголодалась, видишь?

Мюрвет с удивлением следила за тем, как ребенок губами искал грудь. Мюрвет проследила, когда ее дочь взяла сосок в рот и начала посасывать.

– Большим пальцем сверху, двумя другими снизу надавливай и выжимай молоко. Если малютка хорошо поест, то хорошо заснет, – наставляла Эмине.

Посасывая то правую, то левую грудь, ребенок наелся и снова погрузился в сон. Молоко, которое он уже не мог проглотить, стекало у него по подбородку. Эмине положила внучку себе на грудь и начала прогуливать с ней по комнате, медленно поглаживая ее по спине.

Мюрвет вновь почувствовала усталость. Ей хотелось спать. Но кое-что вызывало беспокойство.

– Где Сеит, мама?

– Откуда мне знать, дочка? Я что, слежу за твоим мужем?

С решительным выражением лица, которое означало, что разговор на эту тему окончен, Эмине положила малышку в кроватку и поправила дочери подушку.

– Ты чего-нибудь хочешь? Осторожно, не пытайся вставать сама! Я оставлю дверь открытой – позови, и я тут же приду.

Эмине с улыбкой посмотрела на спящего ребенка.

– Пусть она поспит часок-другой. И ты давай попробуй уснуть. Ты еще устанешь. Спокойной ночи!

После того как мать вышла из комнаты, Мюрвет предалась мрачным размышлениям. Где Сеит? Почему он не здесь, не рядом с ней? В последний раз она видела его в тот момент, когда он привел акушерку. Как это ее мать не знает, где он? Может быть, он ушел? Возможно, сейчас сбылось то, чего она всегда боялась. Она хотела встать на ноги, одеться и бежать за своим мужем. Она хотела найти его и привести домой. Но сил не осталось. Мюрвет погрузилась в глубокий сон.

* * *

С момента родов прошло три дня, Мюрвет чувствовала себя покинутой.

В то время как она, лежа в кровати, кормила грудью ребенка, позвонили в дверь. Пришла тетушка с дочерьми и зятьями. Увидев старшего зятя своей тетушки Османа, Мюрвет разволновалась. Но вопрос молодого человека обрушил все ее надежды.

– Сеита нет, Мюрвет? Когда он придет?

Мюрвет целыми днями сдерживала себя, чтобы не расплакаться на людях, и сейчас чувствовала, что у нее уже не осталось сил: она была готова заплакать навзрыд. Она стерла в уголках глаз набежавшие слезы платком. В ее голосе была безысходность.

– Ты меня спрашиваешь, Осман-агабей? Я не видела Сеита!

Глаза Османа расширились.

– Ты не видела Сеита?

Мюрвет начала всхлипывать.

– Он ушел в тот день, когда я родила ему дочку. И больше не возвращался.

Осман разволновался не менее.

– Я разберусь с этим делом. Не расстраивайся! Хорошо? Я верну его.

Мюрвет молча кивнула. Осман выбежал из комнаты.

Шюкрийе не вмешивалась в разговор Мюрвет с Османом. Она осыпала нежностями сладко спящего ребенка. Спустя какое-то время она дотронулась до руки кузины:

– Что происходит, Мюрвет? Все в порядке?

Мюрвет и сама не знала ответа на этот вопрос. Она не могла знать, где Сеит и в каком состоянии их брак. Все для нее было тайной. Она ответила вопросом на вопрос:

– Ты... Ты счастлива?

Заметив, что Шюкрийе не поняла ее вопроса, она повторила:

– То есть, я хотела сказать, ты счастлива с Османом-агабеем?

– С Османом? Конечно, счастлива. Он очень хороший человек.

– Осман-агабей когда-нибудь вот так уходил из дома, оставив тебя?

– Нет, нет.

Затем Шюкрийе начала смеяться.

– Да куда же он уйдет? Ему негде скрыться от меня.

– То есть, если бы у него было где скрыться, он бы ушел?

– Я этого не могу знать, дорогая Мюрвет. По правде говоря, и не хочу.

Затем она посерьезнела и с нежностью взяла руку Мюрвет в свои ладони.

– Осман никогда не уходил от меня. Но иногда он может часами не разговаривать, погрузиться в себя. У Османа внутри есть мир, куда я никогда не смогу войти. Я знаю, что он скучает по Крыму. Я знаю, что он тоскует по жене, которую потерял во время побега из Крыма, по своему ребенку. Прошел год, а он все еще лелеет надежду найти их, и я это чувствую.

– А если он найдет прежнюю жену?

– Я не думаю об этом. Аллах милостив.

– Неужели ты совсем не ревнуешь?

Шюкрийе ответила:

– Нет, дорогая, не ревную. Я только жалею его. Только подумай, какая тоска живет в его сердце. Легко ли ему? Должно быть, он переживает муки совести из-за того, что женился вновь. У меня нет никакого права отравлять ему жизнь ревностью.

Слова Шюкрийе подействовали на Мюрвет, и обида на Сеита сменилась жалостью к нему.

Муж Шюкрийе сдержал слово. Не прошло и часа с того момента, как он ушел, и вот они уже вернулись вдвоем с Сеитом. Мюрвет не могла поверить своим глазам. Сеит снова здесь!

Вот он показался в дверях спальни рядом с Османом в самом веселом расположении духа. словно он этим утром вышел из дома и сейчас возвращался. Смеясь, он приблизился к кровати и поцеловал Мюрвет.

– Как ты, Мурка? Ты прекрасно выглядишь, маленькая мама.

Затем он повернулся к ребенку и приблизил свое лицо к маленькому розовому лицу. Маленькая девочка вздохнула. Ее пухлые щечки были настолько комичными, что Сеит не сдержал смеха. Мюрвет наблюдала за смеющимся мужем. Почему он вот так взял и покинул дом сразу после родов? Она не могла понять мужа.

– Мурка, ну насколько же она смешная! Словно мячик. Какая же маленькая!

Сеит осторожно дотронулся до носика дочери:

– Посмотри на этот нос величиной с пуговку!

Шюкрийе, довольная, что обстановка смягчилась, подошла к ним.

– Сеит, я тебе дам ее на руки, а ты порадуйся.

– Не проснется?

– Ничего не случится. Она только что поела.

Мюрвет смотрела, как Сеит с помощью Шюкрийе в первый раз взял свою дочь на руки, продолжая восхищаться ею.

– Прекрасно пахнет! И щечки мягонькие.

Ужин прошел в праздничной атмосфере. Дочь тети, Сафийе, живущая на верхнем этаже дома, спустилась к ним вместе с мужем. И маленький Хасан присоединился к трапезе. Все ели, пили, смеялись. А вот Эмине злилась. Разве такими праздники вообще бывают? Столько спиртного, столько шума! Через какое-то время она позвала Фетхийе и Неджмийе и сказала, что им пора ложиться спать. Сестры вздохнули и послушно отправились в свою комнату.

Девочке дали имя Леман.

Мюрвет, по мере того как шли дни, замечала, насколько правильным был переезд в этот дом. На двух других этажах жили близкие родственники. Сафийе и ее муж Сулейман были родными душами. Сафийе была старше Мюрвет на семь лет. Это была женщина высокого роста, с белой кожей, черными волосами и карими глазами. Она не проявляла застенчивости и свободно вела себя с мужчинами. Ее сияющие глаза всегда смотрели смешливо и действовали на Мюрвет успокаивающе. Сеит был впечатлен ее поистине аристократическим изяществом.

Когда Леман исполнился месяц, Сафийе и Сулейман спустились к ним с бутылкой вина. Эмине поужинала несколько ранее и вместе с дочерьми удалилась, взяв с собой ребенка Мюрвет, по меньшей мере на час-два, пока младенец не проголодается, чтобы Мюрвет могла расслабиться с мужем и гостями.

В тот вечер Мюрвет впервые после родов села за стол, нарядившись и прихорошившись. Давно она не чувствовала себя так хорошо. С помощью Сафийе она накрыла на стол. Сеит принес полную тарелку различных закусок. Пока Сулейман готовил напитки, Сеит готовил жаркое на балконе. Погода была прекрасной, и все окна были открыты. Сафийе расставляла на столе бокалы. Она тихим голосом спросила у Мюрвет:

– Все в порядке? Твой сегодня находится в особенно хорошем расположении духа.

– Да, все идет хорошо, Сафийе-абла. Слава Аллаху! Вот только домой он приходит под утро.

– Такова его работа, Мюрвет.

Сафийе указала на мужчин, которые со смехом разговаривали на балконе:

– Такие мужья, как наши, хотят, чтобы их женщины были раскрепощены и сидели рядом с ними за столом. Тогда чего ради они пойдут к другим?

– Ты права, Сафийе-абла.

Ужин проходил великолепно. Мюрвет активно участвовала в беседе. В какой-то момент Сеит запел. Сафийе начала подпевать ему.

...Из Алушты везут камень,
А из глаз течет слеза,
Если мне тебя вернут, мое дитя,

Аллах будет доволен.
Ай Лачин, душа Лачин,
Я стал жертвой ветра...

Когда песня закончилась, Сеит какое-то время сидел молча. Мюрвет слышала голоса из комнаты матери: судя по всему, дочь проснулась. В этот момент Сеит, отвечая на вопрос Сулеймана, начал рассказывать о Крыме. Он погрузился в прошлое. По мере того как все громче и требовательнее плакал ребенок, росло и беспокойство Мюрвет. Невольно она ерзала на месте. Сеит внезапно замолчал, посмотрел на нее и попросил:

– Не уходи Мурка, я хочу, чтобы ты это послушала.

Он нуждался в ней.

Но Мюрвет видела мать, которая взмахом руки позвала ее из приоткрытой двери. Нужно было идти к ребенку. И она встала из-за стола. Сеит нахмурился. Его жена не послушалась. Почему она не могла разделить с ним печали? Он захотел заставить Мюрвет остановиться и потянулся к тарелке с арбузом.

Тарелка, ударившись о дверь, разбилась вдребезги. Куски арбуза разлетелись алыми брызгами на цветном ковре. Мюрвет не на шутку испугалась. Она побежала в комнату и взяла дочь на руки. Леман, как только почувствовала запах матери, успокоилась. После того как ребенок, наевшись, уснул, Мюрвет прислушалась. Сафийе собирала разбитые осколки. От Сеита не было ни звука. Мюрвет призвала себя к спокойствию. Нужно было возвращаться к мужу и гостям, но Эмине остановила ее:

– Дочка, не беспокойся, я сниму дом и съеду от вас. Тогда нам всем будет спокойно.

– Мама, ложитесь спать. Спокойной ночи! – твердо сказала молодая женщина.

Сафийе, подмигнув ей, подала знак, что все в порядке. Мюрвет молча заняла место за столом, Сеит на нее даже не взглянул. Он запел песню на русском. Однако так схватил руку жены и так сжал ее, что Мюрвет почувствовала, как внутри у нее все вздрогнуло. Он сжимал ее ладонь с любовью. Он пел, закрыв глаза. Мюрвет начала плакать. Она любила Сеита и знала, что муж тоже любит ее, но было между ними то, чего они не могли преодолеть.

Лето в Джаддебостане

Когда Сеит бывал дома, то он не выпускал из рук Леман, которую называл Полуш.

Однажды Эмине отправилась навестить старшего брата. Сеит пришел довольно поздно. Мюрвет уже накормила сестер. Супруги сели за стол. На ужин была утка, которую Сеит принес из ресторана. В тот самый момент, когда он поднимал бокал, из комнаты послышался плач Леман. Мюрвет беспокойно заерзала на стуле. Сеит спросил:

– Почему плачет дочка?

– Мне откуда знать, Сеит? Ребенок, вот и плачет.

– Голодная?

– Может быть, проголодалась.

Сеит не выдержал:

– Давай, оставь еду и сходи посмотри, что там стряслось.

Когда Мюрвет накормила ребенка грудью и, поменяв пеленки, вернулась, Сеит еще не съел ни кусочка. Он обрушился на жену:

– Ты весь день дома с ребенком! Ты знаешь, когда я прихожу домой. Накорми ее, пока я не пришел. Почему ты оставляешь эти дела ровно на тот час, когда мы садимся за стол? Зачем мне вообще приходиться, если я не могу поесть горячей еды и посидеть со своей женой?

Мюрвет молчала. Мужчина взял себя в руки.

– Ладно, проехали! За благополучие!

В этот момент из комнаты выскочила Фетхийе, подслушавшая их разговор из своей комнаты. Она была в бешенстве.

– Что ты хочешь от моей сестры? – заорала она. – Нельзя с ней так разговаривать!

Мюрвет не могла поверить ушам своим. Этого только не хватало! Вскочив с места, она заставила Фетхийе замолчать и, взяв ее за руку, увела в комнату. Она была в шоке. Вернувшись, она посмотрела в лицо Сеиту. Он был холоден как лед.

– Сеит... Фетхийе еще ребенок.

– Судя по тому, как твоя сестра себя ведет, она давно уже выросла! А раз так, поговори с матерью, и пусть уходит. Я не желаю выслушивать от нее оскорбления.

Эмине вернулась на следующий день под вечер с новостью. Она арендовала дом вдовы, жившей с двумя дочерьми, и собиралась тотчас туда переселиться. Мюрвет вроде как возражала, но ничего изменить не могла. Эмине собрала свои вещи. Когда она, забрав с собой дочерей, сажалась в повозку, то сказала Сеиту:

– До свидания, сынок, мы больше не будем мучать тебя.

Он ей ответил с сарказмом:

– Ради Аллаха, мама. Доброго пути!

Дом казался абсолютно пустым. Мюрвет заплакала. Она могла бы проплакать весь вечер, но понимала, что в таком случае заставит мужа разнервничаться. Слава Аллаху, тем вечером они были приглашены к Сафийе и Сулейману и, взяв Леман, поднялись на верхний этаж. Сеит сидел за столом, взяв жену под руку. Он часто целовал ее, гладил ее руки и волосы. Сафийе и Сулейман реагировали на это совершенно естественно. К ним присоединился и маленький Хасан. После двух бокалов вина он опечалился и погрузился в мысли. Сеит, потрепав его по плечу, спросил:

– Что с тобой, маленький поэт? Снова пишешь стихотворение?

Прозвищем Хасана было Поэт Хасан. Он получил его от друзей Сеита, так как постоянно писал стихи. Когда он немного выпивал, то закрывал глаза и начинал читать свои вирши. Большинство из них было о печали, любви и безысходности. Хасан чувствовал бесконечную тоску по своей семье. Он тосковал по Крыму. Иногда он переставал стесняться и ревел навзрыд.

Сафийе подхватила:

– Правда? Ты пишешь стихотворение, Хасан? Ради Аллаха, пожалуйста, прочитай нам одно.

Юноша начал:

Посмотрите, друзья, что со мной сотворила судьба:
Лишила ума от любви, разум мой забрала...

И тотчас замолчал. Бросив на Сафийе тоскливый взгляд, он отвернулся, скрывая слезы.

* * *

Леман исполнилось три месяца. Сеит обожал дочь. Светло-русые прямые волосы начали появляться на ее голове. Ее глаза были карими.

Сеит укладывал дочку на кровать, сам вытягивался рядом и разговаривал с ней, как со взрослым человеком. Малютка словно понимала, что ее отец ведет себя с ней по-другому, нежели окружающие, и берегла для него свои самые красивые улыбки. Когда приходила очередь матери заворачивать ее в пеленки, она разражалась криком. Быть с отцом было свободой, счастьем. На кровати, под теплом солнца, проникавшего сквозь занавески, оказаться в руках отца только в распашонке было для нее большим удовольствием. Сеит же очень хотел, чтобы дочь поскорее выросла. Он знал, что они с Леман будут хорошо ладить.

Дела Сеита шли в гору, и он часто приносил жене подарки, купленные в шикарных магазинах в Бейоглу.

Эмине раз в два-три дня приходила днем и помогала Мюрвет – кипятила детские пеленки, гладила. Жить отдельно было лучшим решением для всеобщего спокойствия, и никто уже на эту тему не говорил.

Той осенью Сеит продал прачечную. Для процветания ресторана были необходимы дополнительные деньги. К тому же бухгалтер прачечной Петр Сергеевич покинул Стамбул и обосновался в Париже. Сеит боялся, что не сможет найти на его место человека, которому сможет доверять в той же степени. Смысла в том, чтобы держать прачечную, расходы которой он не мог контролировать, не было.

Однажды сентябрьским днем Мюрвет, развешивавшая в саду вещи, которые постирала ее мать, заметила повозку, которая остановилась у ворот. Приехал маленький Хасан. Внешний вид Хасана, который, как и Сеит, проявлял чрезмерную заботу о своей внешности, был безупречным – он был в белоснежном костюме и шляпе. Мюрвет с удивлением смотрела на мешки, которые он выгружал из повозки. Должно быть, Сеит что-то отправил, но что – разобрать она не могла.

– Что такое, Хасан, что это ты привез?

– Скатерти из ресторана, невестка.

– Что делать с этими скатертями?

– А что делать? Постирать и накрахмалить.

Оторопело глядя на скатерти, полотенца, салфетки и покрывала, брошенные у ее ног в дверях бельевой, Мюрвет всей душой желала, чтобы этого не видела мать. Но от матери, разумеется, было невозможно ничего скрыть. Эмине сразу начала причитать:

– Мне стирать пеленки или эти ресторанные тряпки?

Мюрвет постаралась ее успокоить:

– Не трогай их, мама, я сама потихоньку постираю. К тому же не обязательно стирать все сразу, в ресторане есть запасные.

Эмине абсолютно не удовлетворилась тем, что услышала.

– Говоришь, не трогай! Я не трону, а кто тогда тронет? Прачка, что ли, у тебя есть? Конечно же, я снова все сделаю!

Мюрвет, глубоко вздохнув, продолжала вешать белье.

Тем вечером она решила кое-что сказать Сеиту на этот счет.

– Сеит, белье из ресторана постоянно теперь будет отвозиться к нам?

– Да, Мурка. В связи с тем, что у нас больше нет прачечной, белье стираем дома, – подтвердил муж. – А что, есть какая-то проблема? Ты же знаешь, что это скатерти ресторана. Я не могу их отдать абы куда. Они должны быть великолепными и пахнуть крахмалом.

Стирая с тех пор скатерти и полотенца, Мюрвет думала о том, сколько усилий она приложила к тому, чтобы мужу хорошо жилось.

Однажды вечером, после ужина, когда Сеит играл с еще не спящей Леман, Мюрвет утюжила все те же ресторанные скатерти. Внезапно на верхнем этаже раздался грохот. Послышались гневные голоса. Сеит и Мюрвет с удивлением замерли. Сеит положил Леман на кровать и побежал на лестничную площадку, но не поспел за Сулейманом, который уже спустился с лестницы и хлопнул входной дверью. Доносился плач Сафийе. Сеит поднялся на верхний этаж. Сафийе рыдала в три ручья.

– Что случилось, Сафийе? Что происходит?

– Что должно было случиться, Сеит? Как мне только на ум это не приходило? У него есть любовница. Ты можешь в это поверить? У него есть любовница!

Сеит действительно не мог поверить. Сулейман был сильным, волевым, влюбленным в жену мужчиной.

– Где дочери? – только и спросил он.

– Он отправил вчера дочерей к бабушке и хочет со мной разводиться.

Сафийе вновь утонула в слезах. Сеит взял ее за руку.

– Спокойно! Подумаем, как выйти из этой ситуации. Давай спустимся к нам. Здесь ты одна не останешься.

Мюрвет с беспокойством ждала их у двери. Наполнив водкой маленькую стопку, Сеит заставил Сафийе выпить ее. До самого утра они проговорили, обдумывая выходы, чтобы спасти брак. На следующий день Сеит лично пошел на встречу с Сулейманом. Как друг и родственник, он сделал все, что возможно, но результат не изменился – муж Сафийе забрал детей и развелся.

Молодую женщину, которой нужно было съезжать из дома, так как ее средства не позволяли ей одной проживать в большой квартире, Сеит и Мюрвет решили забрать к себе. Сафийе вынуждена была ответить согласием. В ее жизни внезапно произошли большие перемены. Мужчина, которого она любила, бросил ее ради другой женщины, не оставив ей денег. Она была вынуждена покинуть квартиру, которую называла своим гнездом. Но самой невыносимой утратой для нее была разлука с дочерьми. Из-за тоски по детям у нее разрывалось сердце.

Несмотря на горечь и тоску, Сафийе самоотверженно помогала Мюрвет в домашних делах. Молодая женщина больше не плакала, но Мюрвет постоянно слышала ее глубокие вздохи.

Стоял один из пасмурных, туманных осенних дней. Окна и балконы уже были закрыты. Установилась сырая и влажная погода. Две женщины закончили свои дела и, сварив себе крепкий кофе, сели перед окном. В какой-то момент взгляд Мюрвет упал на прохожего, показавшегося ей знакомым. Чтобы удостовериться в том, кто это, она встала с места и пробормотала:

– Сафийе, посмотри, ради Аллаха, это не наш поэт ли Хасан, не он ли?

И Сафийе поразилась увиденному. Посмотрев друг на друга, они рассмеялись.

Поэт Хасан шел с огромным мешком на спине, шатаясь от его тяжести.

– Ах, Сеит! Он снова чем-то загрузил юношу, я уверена! – воскликнула Мюрвет.

В мешке, который принес Хасан, был уголь.

– Становится прохладнее, дядя сказал, чтобы вы не мерзли в доме, – сказал он.

* * *

В тот год День Республики отмечался во всей стране с большим воодушевлением. Мюрвет закалывала на груди золотую брошь, украшенную маленькими алмазами, подаренную мужем, и почувствовала, как ей в глаза ударил алмазный блеск.

Было похоже, что зима наступит рано. Несмотря на то что было только начало декабря, ощущался холод.

Уголь, запасенный Сеитом, оказался весьма кстати. Спустя какое-то время после переезда Сафийе в дом отца, в Мюхюрдар, на верхнем этаже появились новые квартиранты – некая разбогатевшая семья. Даже двухнедельного соседства с ней было достаточно, чтобы утомить Мюрвет и Сеита.

К Новому году они решили переехать и поселились в Английских апартаментах, которые сняли в районе Айналычешме. Все близкие друзья Сеита жили либо на той же улице, либо на очень близком расстоянии. Манол, Искендер-бейзаде, Михаил, Яхья, Леман были его соседями либо на одну-две квартиры выше, либо на нижней улице. Айналы-чешме был одним из тех уголков Стамбула, где белогвардейцы создали себе маленькую Россию. Как и в других местах, где поселились русские, здесь не было различий по титулу или званию. В этом же районе, помимо турецкого, русского и французского языков, можно было услышать и другую речь. Греческая бакалея, армянский зеленщик, албанский мясник держали там свои лавки.

Мюрвет нравились эти люди, хотя их образ жизни был незнаком ей. Женщины и мужчины из России были в высшей степени изящными и шикарными. Среди них попадались те, у кого имелись деньги, на которые они могли безбедно существовать. Время от времени они продавали личные ценности. Но большинство все же работало. Мюрвет, наблюдая за ними, восторгалась их благородными, вежливыми манерами.

Несмотря на невольную тягу к ним, Мюрвет стеснялась заводить с ними близкую дружбу. Один-два раза Сеит приводил некоторых русских друзей к себе домой. Увы, из-за незнания языка Мюрвет была вынуждена только улыбаться, не понимая, о чем речь, когда другие хохотали. Сеит по-прежнему вел свободный образ жизни. Мюрвет безмолвно переживала. Она уже поняла, что не сможет удержать мужа при себе. Она думала о том, что Сеит ближе к этим людям, чем к ней, она видела, что не может спорить с ним по этому поводу.

Сеит чувствовал себя в новом районе в сравнительно более привычной обстановке. Общение с соотечественниками дарило ему чувство близости с Родиной. Много раз он думал о возвращении. Но он знал, что это невозможно, по крайней мере, сейчас. Его друзья держали путь в Париж или в Нью-Йорк. Эмиграция на Запад волновала и его.

Единственным человеком, который мог заставить забыть Сеита обо всем, была его дочь, несмотря на то что она еще не говорила. Она была уже не папиной Полуш, а Леманушкой. Мюрвет нервничала, когда муж называл этим именем их дочь:

– Ребенка зовут Леман. Почему ты так ее зовешь?

Сеит, смеясь, отвечал:

– Для меня она Леманушка. Я буду называть свою дочь, как хочу. Договорились?

Мюрвет видела, что муж привязался к ребенку, и чувствовала страх, что эта связь между отцом и дочерью оставит ее вне отношений с Сеитом. Самое же странное, что, по мере того как это чувство нарастало, оно стало одерживать над ней верх. Сколько бы она ни просилась присоединиться к ним, когда отец играл с дочерью или когда Сеит уходил гулять с ней, с собой они ее не брали. С одной стороны, она очень обижалась. Думала: «Раз уж вам вдвоем так весело, то во мне нужды нет». С другой стороны, гневалась на них, чувствуя одиночество, которое сама же и создала.

С заботой, которую Сеит проявлял к гардеробу своей жены, он начал относиться и к одежде дочери, стоило только той вылезти из пеленок. С усердием, будто он выбирает наряд юной девушке, он брал ткани в Бейоглу, которые импортировались в страну, и относил к портному, который шил платья и для Мюрвет. Стоит признать, Мюрвет тоже получала удовольствие, когда одевала дочь в эти элегантные кружевные, с оборками, платья, в изготовленные на заказ ботиночки, словно наряжала любимую куклу. Когда Сеит принес домой детскую коляску, произведенную в Англии, которую он заказал несколько месяцев назад и которую наконец доставили, он был безумно счастлив.

Тут же разместив дочь в коляске, он хотел вывезти ее на прогулку. Было еще только начало апреля, и погода стояла прохладная. Мюрвет сначала возражала, испугавшись, что ребенок замерзнет. Но Сеит был настойчив.

– Сеит, ты хоть раз видел мужчин, гуляющих со своими детьми?

– Что в этом такого?

– Не стыдно перед соседями?

– Почему мне должно быть стыдно? Давай, Мурка, кончай говорить ерунду и пойдем с нами!

– Нет, вы идите. Я приготовлю ужин.

– Как знаешь.

Маленькая девочка в пальто светло-голубого цвета была словно куколка, вышедшая из журнала. Она издала возглас удовольствия, будто поняла ценность этой огромной игрушки, абсолютно для нее новой. Ее глаза расширились и стали круглыми от удивления. Сеита обрадовало воодушевление ребенка.

– Это только начало, Леманушка! Смотри-ка, как мы сейчас с тобой развлечемся.

Он поднял тормоз коляски.

– Ну, здравствуй, Пера! Мы идем! Ты готова?

* * *

Весной один богатый клиент-грек – завсегдатай ресторана предложил Сеиту следующее: – Сеит-бей, в Джаддебостане, у моря, у меня есть участок, совладельцем которого я являюсь.

Материал готов, клиенты готовы. С меня участок, с тебя дело. Идет?

Предложение Йорго пришло словно ответ на думы Сеита о расширении бизнеса. Он не раздумывал ни минуты. Так в Джаддебостане появилось «Морское кафе».

То лето было сказочным.

Дела «Морского кафе» шли прекрасно. Клиенты в большинстве своем были из Бейоглу, Шишли, Айналычешме. Белогвардейцы, поселившиеся на островах, и турецкие семьи с берега Кадыкея, как и левантинцы, составляли основу посетителей. Для тех, кто хотел провести день на берегу моря, официанты кафе разносили по пляжу сэндвичи на подносах. Тем, кому было некомфортно принимать пищу на пляже, предлагали в кафе еду и холодное пиво с лимонадом. Обычно большие семьи, приезжавшие издалека, оставались здесь до самого вечера.

Самыми любимыми часами Сеита были те моменты, когда волнение дня заканчивалось и песчаный пляж погружался в безмолвие. Рассматривать облака, раскрашенные в цвета, которые остаются после только зашедшего солнца, видеть их отражение, наблюдать за тем, как они падают в море, было верхом наслаждения. Эти часы он с нетерпением ждал на протяжении всего дня. Вечер возвращал запахи, по которым он соскучился, голоса, которые желал бы услышать. Шелест волн, запах водорослей... Сеит вновь и вновь представлял себя в Алуште – и радовался.

Когда к запаху моря, розовых кустов, жимолости примешивались разнообразные ароматы женских духов, веранда превращалась в райский сад.

Сеит был доволен жизнью, однако не мог каждый вечер возвращаться в Айналычешме. Бывало, что клиенты покидали кафе, когда последний пароход уже давно отходил от пирса. По выходным выступления музыкантов и варьете длились почти до утра. Сеит знал, что Мюрвет недовольна, но ничего поделать не мог. Но он скучал по жене и по дочери, да еще как. Он думал о том, чтобы чаще привозить их в Джаддебостан. Может быть, приехав сюда и оставшись здесь на несколько дней, Мюрвет могла бы привыкнуть к создавшемуся положению. Она могла бы чаще навещать мужа. Его партнер Йорго приезжал редко, а когда навещался, то привозил с собой гостей и занимался только ими.

В один четверг, оставив дела на Поэта Хасана, Сеит поехал на противоположный берег. Он решил забрать Мюрвет и Леман и вернуться до наступления вечера.

Позвонив в дверь, он застал жену с заплаканными глазами. Обняв ее, он с беспокойством спросил:

– Что с тобой, Мурка? Что-то случилось?

Мюрвет постеснялась посмотреть красными глазами на мужа, которого она не видела почти десять дней, по которому соскучилась, о котором, как безумная, волновалась и которого так ревновала. Она так хотела сказать все то, что чувствовала... Но не смогла.

– Милый Сеит, я соскучилась по тебе, оттого и плачу, – только и произнесла она.

По ее мнению, такие слова могла произнести лишь очень несдержанная женщина, сходящая с ума по мужчинам. Она запнулась и опустила глаза. Она ждала, положив голову на грудь мужу, обнимавшему ее. Сеит думал о том, что у его жены, должно быть, случилась какая-то проблема с матерью или сестрами.

– Выпьешь кофе? – тихо спросила Мюрвет.

Сеит, направляясь в комнату дочери, ответил:

– Нет, спасибо. Я приехал забрать вас. Мы все вместе возвращаемся в Джаддебостан. Я хочу, чтобы вы остались там со мной. Искупаетесь в море, позагораете. Я нашел вам номер в отеле. На несколько дней сбежите от этой городской жары. Давай, собирайся!

– Сеит, это утомительно для ребенка! Если она там заболит, что тогда?

– Мурка, есть жизнь и за пределами этого района. Там живут люди. И доктора есть в том районе. Не беспокойся, я не отправляю вас в Сибирь. Оставь здесь свои капризы. Поверь, это будет хорошо и для тебя, и для Леман.

Мюрвет, конечно же, знала, что в Джаддебостане они смогут найти доктора. Через час она вышла из дома, сопровождая мужа, который нес спящую Леман на руках.

Когда они добрались до Джаддебостана, Мюрвет хотела тут же пойти в отель и закрыться в своем номере, но Сеит отправил жену и дочь напрямик в кафе. Леман, спавшая на протяжении всего пути, открыла глаза. Проснувшись, она с удивлением посмотрела на отца, обнаружив себя в его руках, затем, дотронувшись до его щеки, рассмеялась. Сеит вдохнул ароматный свежий запах малышки.

– Леманушка... Леманушка... Как тут моя Леманушка?

Сеит очень хорошо ощущал связь со своей маленькой дочерью. Совсем необязательно, чтобы ребенок был мальчиком. Он научит Леманочку всему, чему бы мог научить своего сына. Послышался возражающий голос Мюрвет:

– Сеит, Леман устала. Ей уже пора спать. Мы пойдем и ляжем.

Леман, в розовом шифоновом платье, радостно гулила, мотая головой и размахивая ручками.

– Этот ребенок-то устал? Мурка, ты, наверное, сама не веришь в то, о чем говоришь. Девочка полна энергии. Посмотри на нее, она с трудом сидит на месте.

Затем он повернулся к дочери и, погладив ее волосы, спросил:

– Не так ли, дочка моя? Жизнь сейчас только начинается, правда?

Уже на следующий день за обедом Мюрвет начала наслаждаться отдыхом и предвкушать приятные вещи, которые ей предстоит испытать.

Служащая в отеле взрослая женщина вызвалась укачать ребенка. Мюрвет села на берегу на полотенце и наслаждалась. Она отхлебнула холодного лимонада. Маленькие волны отражали солнце. Она погрузила ступни в горячий песок. Она с восторгом любовалась собой – на ней был подарок Сеита: черный купальник с розовыми атласными полосками. У нее перехватило дыхание, когда она подумала о том, что сказала бы ее мать, увидев ее в таком виде. Конечно, Эмине была бы страшно недовольна. Интересно, настанет ли день, когда ее мать и муж привыкнут друг к другу? После того как она годами воспитывалась с понятиями «стыд» и «грех», свобода жизни, проживаемой с Сеитом, вынуждала ее делать выбор между двумя разными мирами. И она знала, что это означало, в сущности, выбор между матерью и мужем. Ее мать была последним человеком, которого она бы хотела обидеть, но она любила мужчину, который учил ее и знакомил с прежде неведомым миром. С ритмами вальса, который доносился из граммофона на террасе, она удалялась от прошлого. Как бы то ни было, она была довольна. Еще раз отхлебнув лимонада, она вытянулась на спине. Лучи света падали на ее лицо. Напрягая глаза, она принялась наблюдать белые облака, которые беззаботно бродили на небе. Горячий песок и прикосновения сладкого теплого ветра ее хорошенько разморили. Она словно проживала волшебный момент. Должно быть, это было то, что называется «наслаждаться жизнью».

Услышав звук шагов, Мюрвет очнулась. Когда она поняла, кому принадлежит тень, то успокоилась. Ее сердце билось так, будто собиралось выскочить. В темно-синих ярко блестящих глазах Сеита, который присел рядом с ней, она видела любовь. Его льняной костюм и загорелая кожа оттеняли цвет его глаз. С волнением и счастьем, которое Мюрвет ощущала, потому что мужчина, стоявший перед ней, был ее мужем, она чувствовала себя так, будто сейчас улетит. Сеит, присев на краешек ее полотенца, спросил:

– Почему ты не заходишь в море?

– Песок горячий, он меня очень греет. Совсем не хочу вставать.

– Когда выходишь из моря, горячий песок приносит куда больше удовольствия. Давай, не ленись.

– Ладно, ну а ты не пойдешь?

– Почему бы и нет? Подожди немного, я переоденусь и приду.

Подмигнув жене, он погладил ее волосы, легко вскочил и удалился.

Мюрвет подтянула колени к груди. Она смотрела на море. Она не могла сдержать улыбки. Мой Аллах! Как же она была счастлива! Вот бы она могла обнять и счастье своими руками так же крепко, между руками, как она обхватывала ими лодыжки. Она дала себе слово, что сделает все, что от нее зависит, для их счастья. Она приложит еще больше усилий. Она не хотела делить Сеита ни с кем.

Через час они вернулись в свою комнату. Маленькая девочка встретила родителей улыбкой. Мюрвет с удивлением застыла, глядя на свое отражение в зеркале. Ее плечи были сильно покрасневшими. Даже грудь загорела. Она не привыкла видеть таким свое тело и невольно рассмеялась. Сеит, который выходил из ванной, полюбопытствовал, почему жена смеется. Он подошел к ней.

– Что такое, Мурка, ты видишь в зеркале что-то смешное?

Мюрвет смутилась, что муж застал ее разглядывавшей саму себя. Она попыталась ускользнуть в ванную. Сеит преградил ей путь и взял ее лицо в свои ладони.

– До сегодняшнего дня я ни разу не сгорала на солнце, – призналась она.

Глядя жене в глаза, Сеит тоже признался:

– Я соскучился по твоему смеху...

Он поцеловал Мюрвет так крепко, что голова ее закружилась от счастья.

Конец лета

Лето было прекрасным. Мюрвет большую часть времени проводила вместе с Леман в Джаддебостане, рядом с мужем. Они проживали дни и ночи, полные солнца, моря, музыки, танцев, роскоши и воодушевления.

В середине сентября заканчивалось время шелковых, шифоновых, с черешнями и цветами соломенных шляпок. Хохот, наполнявший побережье, начал затихать вместе с последней жарой, которую оставляло солнце песку.

В конце сентября Сеит отправил жену и дочь в город. Наличие клиентов, которые в настоящий момент оставались в своих летних домах, все еще держало его в Джаддебостане. Но вскоре должен был прийти день, когда он сядет со своим партнером и произведет расчет. Денежные расчеты были частью дела, которую Сеит ненавидел больше всего. Когда он касался расчетных дел, его охватывала тоска.

В одно хмурое утро Сеит раскурил сигару и, глядя из окна на улицу, думал о том, что приближается его возвращение в Бейоглу. Дождевые облака нависали так, будто были готовы опуститься на землю. Белые барашки волн доходили до берега, а затем разбивались о скалы. Между небом и морем была определенная граница. На песке не было ничего, кроме мокрых кусков бумаги. Сеит открыл дверь балкона. Облокотившись на железные решетки, он продолжал наблюдать панораму осени. «Как странно, – подумал он, – места, как и люди. В один момент остаются одинокими».

Он с любовью смотрел на море и на береговую полосу. С грустной улыбкой он выпустил очередной клуб сигарного дыма. И хоть Мраморное море не было таким бурным, как Черное, но в этом сезоне и оно заметно волновалось. Алушта, Алушта... Чего бы он только не дал, чтобы вернуться обратно! Он с тоской думал о Родине и семье. Вращая потухшую и намокшую сигару в руках, он смотрел на желто-коричневые частички табака и почувствовал, что так же потух огонь в нем самом.

Внезапно Сеит подумал о том, насколько бессмысленны его работа, его зарабатывание денег, его сладкая жизнь – короче, все. Ничто не могло дать ему ту целостность, которую он на самом деле искал. Он, в сущности, давно потерял половину и своей жизни, и своей души. Он думал о Шуре. Интересно, что она сейчас делает? Где? С кем? Он внезапно понял, насколько соскучился по ней. Вспомнил последние любовные часы, которые они провели вместе. Эта сцена была свежа в памяти Сеита, словно он прожил ее сейчас.

Тот последний день в маленькой квартире номер 32 на улице Алтынбаккал они провели то занимаясь любовью, то плача друг у друга на плече.

Наконец Шура оделась и была готова к отъезду. Сеит сказал:

– Как же тебе идет голубой цвет! Ты сейчас словно та маленькая девочка зимы шестнадцатого.

Шура, стараясь улыбнуться, спросила:

– Ты помнишь, Сеит, что сказал мне в день нашей первой встречи?

– Я помню, любимая.

– Сейчас можешь сказать то же самое?

– Конечно.

– Скажи. Я знаю, что это ничего не изменит, но хочу услышать.

Сеит крепко обнял ее.

– Я бы хотел вот так вот застыть с тобой, как застыли купидоны в том петербургском саду, и никогда не выпускать из своих объятий.

Он помнил, как Шура, освободившись от его рук, взяла сумку и перчатки и окинула взглядом комнату в последний раз. Какими решительными шагами она шла в новую жизнь!

Сеит все еще не мог понять, как он смог расстаться с Шурой и как мог ее отпустить. Он не просто распрощался с большой любовью, когда она уехала, Шура была частью его прошлого, которое никогда не повторится. Интересно, что она делала сейчас? Была ли счастлива? Увидятся ли они однажды?

* * *

Дожди, которые повторялись почти каждый день, холодный ветер и волнующееся море предупреждали – настало время переезжать в зимние дома.

Тот день был печальным для всех, кто работал в кафе. Сеит сидел в своей конторе и раздавал всем последние зарплаты. Русские балерины договорились с новым кафе в Пера. Члены оркестра, взяв скрипки и балалайки, разъехались, готовясь искать работу в различных уголках Бейоглу. Девушки-официантки прощались с Сеитом, запечатлев в своей памяти прекрасные летние воспоминания.

Ближе к обеду все погрузилось в безмолвие. Вокруг не было никого, кроме трех помощников, собиравших столы и стулья. Пианино все еще стояло в углу. Сеит, закрыв тетрадь с рабочими записями, в последний раз прогулялся по кафе. Наблюдая пустую площадку, он сказал себе: «Вот и закончилось лето».

За спиной он услышал голос Йорго:

– Я смотрю, ты загружаешь наши вещи, словно спасаешь имущество от пожара.

Сеит улыбнулся, подумав, что грек шутит. Но компаньон не шутил.

– Сеит-бей, мы с вами были партнерами все лето, не так ли?

– Да, и я думаю, мы это оба знаем.

– Почему вы тогда начали грузить вещи до того, как я пришел, Сеит-бей?

Сеит удивился.

– Я увожу собственное имущество. Все это я привез сюда из ресторана «Крым» на улице Тимьйони.

– Привезли-то привезли, и разве все это уже не общий товар?

– Ты с ума сошел, Йорго! В нашем договоре ничего подобного не было. Ты дал место, я привез оборудование, нанял людей. Сейчас партнерство закончилось. Каждому заплачено по праву. Оставшиеся деньги мы разделим. По-партнерски.

Йорго остановил носильщиков-хамалов, вытаскивающих наружу пианино. Встав у двери, он распахнул руки.

– Вы неправильно меня поняли. Говоря о партнерстве, я говорил, что все поровну.

– Это так ты понимаешь партнерство? Ты понимаешь, что ты несешь?

– Я понимаю. И вновь повторяю то, о чем говорил вначале, – половина этих вещей принадлежит мне.

Терпение Сеита подходило к концу. Тем не менее он старался говорить спокойно.

– Смотри, Йорго, не упускай суть дела. Наш договор был очень определенным. Ты нашел площадку. Я привез оборудование и возглавил управление. Я оплатил все: танцоров, музыкантов, даже официантов. Оставшиеся деньги – наша общая прибыль. Но кроме них нас ничто не связывает. Ты остаешься со своим имуществом, я со своим. Все понятно?..

– Половина имущества принадлежит мне, – перебил его Йорго, – и слушать ничего не хочу!

Из-за нахальных слов своего ненасытного партнера Сеит превратился в безумного. Он схватил Йорго за руку и потащил в контору. Испугавшись, грек следовал за ним. Сеит усадил его на стул за столом. Затем, разрывая страницы бухгалтерской тетради, начал разбрасывать их.

– Ну, смотри, вот твои счета! Раз уж мы во всем партнеры, теперь и с этим попробуй разберись. Я сделал, что должен был сделать, теперь твоя очередь. Возьми! Возьми! Смотри, это наша общая прибыль, вся в этих бумагах. Возьми! Пусть все будет твоим!

Йорго остался пригвожденным к стулу. Он впервые видел Сеита таким. Он ждал помощи от официантов и носильщиков, которые с удивлением наблюдали за ними. Но никто с места не сдвинулся. Йорго старался что-то произнести.

– Помилуйте, Сеит-бей, вы меня неправильно поняли. Давайте еще раз поговорим.

– Йорго – ты грязный аферист! Подожди немного. Я сделаю тебя еще богаче. Сам удивишься. Значит, ты хочешь и мои вещи, и деньги? Все будет твоим, не беспокойся.

Сжав деньги, которые он достал из кассы, в ладони, Сеит наклонился к лицу компаньона. Тот от страха широко открыл глаза и старался понять, что будет дальше.

– Хочешь быть очень богатым, Йорго, не так ли?

Сеит зло приговаривал:

– Сейчас ты станешь очень богатым, господин Йорго, очень. Все это теперь твое. Все это я оставляю тебе. Чтобы ты меня не забыл.

Комкая деньги в ладони, Сеит начал запихивать их в раскрытый рот грека. Йорго схватился за края стула, его глаза вылезли из орбит, он не мог издать ни звука.

– Жуй, несчастный, жуй! Жуй, и пусть твой желудок переваривает твои деньги, посмотрим, каким ты богатым тогда себя почувствуешь. Возьми, и это возьми!

Йорго не смел и дышать.

– Смотри, каким богатым ты сейчас стал! – прорычал Сеит. – Да, ты стал самым богатым человеком в мире.

Схватив бывшего партнера за волосы, Сеит приблизил к нему свое разгневанное лицо.

– Молись, чтобы я не заставил тебя проглотить пианино!

Сплюнув, он отвернулся от перепуганного грека и направился к двери. В кафе стояла мертвая тишина. Сеит взял пиджак с вешалки. Затем вернулся, чтобы сказать следующее:

– Знаешь, Йорго, когда-то давно я выкинул в море деньги. Я накормил рыб царскими ассигнациями, которые выбросил с Галатского моста. И знаешь почему? Потому что они уже никуда не годились. И вот сейчас я выкидываю эти деньги по той же причине. Но лучше бы они упали в море, потому что там, где они сейчас, очень грязно.

Проходя мимо своего пианино, Сеит дотронулся до клавиш. Затем, закрыв крышку, погладил инструмент, прощаясь с ним. Вот так и прошло лето. В одно дыхание оно протекло от «до» к «си». У него не было ни гроша, остались только долгие летние воспоминания. Самым странным было то, что он был абсолютно спокоен. Ему не терпелось как можно скорее вернуться домой. Он соскучился по своей Мурке и дочери.

* * *

Мюрвет никак не могла понять, почему Сеит вернулся домой, оставив нечистоплотному партнеру все свое имущество и заработанные деньги. Ее ум не мог постичь этого, но она не задавала мужу лишних вопросов. Она была рада, что лето закончилось. Больше они не расстанутся.

В первый вечер своего возвращения Сеит взял дочь на руки и сел за стол с раки, которой накрыла жена. Леман уже могла произносить некоторые слова, по-своему их коверкая и сокращая. Сеита развлекали ее усилия, которые она предпринимала, когда старалась говорить. В какой-то момент Сеит усадил ее на свободный стул рядом с собой.

– Ну-ка, посиди, Леманушка. Пусть твой папа раскурит сигару.

Малышка наблюдала за тем, как огонь охватывал спичку, и хлопала в ладоши. Ей это ужасно понравилось. Сеит спросил:

– Хочешь подуть?

Леман, снова затрепетав руками, надула губки.

– Уфф! Уфф! Уфф!

Она была безмерно счастлива. Сеит смеялся, глядя на выражение лица дочери. Мюрвет вошла с едой.

– Я буду укладывать Леман. Уже поздно.

Он кивнул.

Когда Мюрвет понесла Леман в кровать, дочка успела помахать отцу:

– Уфф! Уфф! Уфф!

Сеит сделал большой глоток из стакана и затянулся сигарой. Пришло время принять решение. Стоило ли продолжать испытывать удачу в этой стране? Или все-таки нужно отправиться в путь за новой жизнью? В обоих случаях необходимы деньги. Следовательно, их надо заработать.

Далеко за полночь, когда Мюрвет уже давно погрузилась в глубокий сон, он все еще не спал. Глядя волосы жены, которая обняла его и спала на его груди, он думал. Может быть, стоит эмигрировать в Америку? Завтра первым делом он пойдет в «Легинатс» и поговорит.

«Легинатс» был кружком помощи для русских эмигрантов. Его соотечественники, основавшие кружок, бывшие офицеры и профессора, записывали в список тех, кто хотел уехать в Америку, а затем, когда их очередь наступала, отправляли. Однако необходимо было сделать вклад в фонд в размере сорока лир на человека. Чтобы собрать такие деньги, Сеиту необходимо было много работать.

Мечтая об Америке, Сеит придал своей жизни организованный характер. Лето, в которое он потерял все средства, словно сон, осталось в дальнем уголке памяти.

Недалеко от мечети Ага, на улице Арабаджи, он арендовал место. Несмотря на то что оно не было таким роскошным, как на улице Тимьйони, он открыл там небольшой ресторан. Денег хватило лишь на это. Он вновь начал проводить больше времени на рабочем месте. Это было частью его дела. Иногда от усталости после долгих ночей и тяжести, которую давал алкоголь, он предпочитал спать в комнате в ресторане.

Не прошло и двух-трех месяцев, как дела даже стали налаживаться. Но необходимые для «Легинатса» деньги нужно было собрать как можно быстрее, и нужна была дополнительная работа, которая не препятствовала бы его работе в ресторане. В конце концов ему на ум пришла работа: стирка и чистка тканей. Это был источник дохода, который он мог делать дома и в котором ему могла бы помогать Мюрвет.

Однажды Сеит вернулся домой с большим мешком. Наполнив бензином таз, который стоял в углу гостиной, он начал отстирывать пятна на скатертях. Мюрвет в соседней комнате была занята тем, что раскладывала на кровати простыни. Леман сидела рядом с отцом и с любопытством за ним наблюдала. Сеит, бережно отстирывая ценную ткань, беседовал с дочерью. Он был уверен в том, что она его прекрасно понимает.

– Леманушка, видишь, чем сейчас занимается твой папочка?

Леман хихикала, ударяя ручками по коленкам. Сеит с любовью смотрел на нее и продолжал заниматься своим делом.

– Конечно же, ты все видишь и все понимаешь. А почему я этим занимаюсь?

Он склонился к дочери, готовый поделиться с ней тайной.

– Потому что, Леманушка, когда мы накопим денег, то все вместе поедem в Америку. Я заберу вас отсюда. Мы сядем на огромный корабль и переплывем через большие моря.

Леман кивнула.

– Молодец, моя умная девочка. Ты поняла, правда? Да, все так, дочка!

Медленно отжав скатерть, он вытащил ее и позвал Мюрвет:

– Мурка, это готово, можешь повесить.

Сеит так вдохновился мечтой об Америке, что на какой-то момент забыл о тазе, бензине и вытащил сигару. Леман тут же склонилась к нему, чтобы подуть на зажженную спичку.

Мюрвет увидела поднимающееся пламя. Сеит ногой старался вытолкнуть таз из комнаты. Мюрвет схватила мокрую простыню и бросила ее на таз. Все произошло очень быстро... Комната была в дыму. Они с трудом дышали. Супруги открыли окна. Дым начал выходить наружу. Пережитое волнение истощило силы Мюрвет. Она замерла на месте.

Когда она пришла в себя, Сеит со стаканом воды в руке стоял рядом.

– Как ты, Мурка? Спасибо, женушка, спасибо! Как я совершил такую ошибку, ума не приложу! Ты хорошо себя чувствуешь?

– Хорошо, Сеит.

Когда Мюрвет посмотрела на дочку, то остолбенела от ужаса. Брови, волосы, ресницы Леман были черные-пречерные. Мюрвет, обняв дочь, начала плакать.

Сеит подошел к ним. В его горле стоял ком. Он сглотнул, не зная, что и сказать.

– Возьми-ка ребенка и сходи к матери, если хочешь, – предложил он, – немного развеешься. А к вечеру и я подойду. Затем вместе вернемся. Давай, душа моя.

Когда Мюрвет, взяв дочь, вышла из дома, чтобы отправиться к матери, которая жила в Махмутпаша на улице Неджипа, Сеит, разбитый, рухнул на стул. Из-за минутной забывчивости он чуть не сгубил жизнь всей семьи. Он был подавлен и растерян.

«Легинатс» может подождать, Америка тоже. Он больше не будет заниматься в доме чистой.

* * *

Сеит часто приглашал близких друзей в свой ресторан. Вновь он накрыл для них длинный стол. Манол, Искендер, Михаил, Мехмет Кадыев пришли вместе с тремя женщинами, одна из которых была немкой, а две другие – русскими. Сеит настаивал, чтобы в тот вечер и Мюрвет присоединилась к ним. Как и всегда, алкоголь тек рекой. По мере того как шло время, гости веселились. Когда минула добрая половина вечера, трое музыкантов, закончивших дела в другом заведении, присоединились к ним, разгуливая между столами и наигрывая мелодии. Ресторан охватила волшебная атмосфера, всегда очаровывавшая Мюрвет. За меланхолическими мелодиями следовали веселье. Когда заиграли казачок, посетители освободили один из столов от посуды. Двое крымчан и один белогвардеец-русский забрались на стол и начали танцевать на нем. Мюрвет оглядывала обстановку с удивлением и замешательством. Пусть хоть сорок лет пройдет, но к такой картине она никогда не привыкнет! Когда представление закончилось, все вновь погрузилось в печальную тишину. Стаканы еще не раз поднимались. Мюрвет заметила, как Манол и Искендер, между которыми она сидела, подали друг другу знак. Манол достал из кармана эмалированную крошечную коробочку и протянул товарищу. Внимание Мюрвет привлекла красота коробочки. В это время скрипач, блондин с зелеными глазами, поднял смычок, приглашая клиентов присоединиться к словам песни:

Хаааай! Да! Тройка!..

Никто не обратил внимание на двух полицейских, входивших в двери. Сеит увидел их первым.

Он быстро направился напрямик к выходу. Но то, что пришло ему на ум, заставило его вздрогнуть, и Сеит вернулся к своему столу.

Сердце Мюрвет, которая заметила полицейских и официантов, всеми способами старавшихся их отвлечь, охватила тревога. Какие дела могли быть у полиции в ресторане? Было очевидно, что они не пришли в ресторан выпить водки. Она удивленными глазами смотрела на

мужа, быстро подошедшего к ней. Сеит, дабы успокоить жену, нагнулся и чмокнул ее в щеку. Целуя Мюрвет, он краем глаза наблюдал за стоявшими в дверях. Он протянул руку под скатерть. Сделав вид, что целует Мюрвет в щеку, Сеит зашептал ей в ухо:

– Посмотри на музыкантов! Смотри только на них и улыбайся! Хорошо?

В этот момент Манол, должно быть, что-то уронил на пол. Склонившись, Сеит подобрал это что-то. Затем приказал жене:

– Сейчас же возьми сумку в руки и открой ее!

Хоть он и смотрел на нее с беспечным выражением лица, она заметила в его глазах тревогу.

«Мой Бог! Что происходит?» – подумала она. Но она знала, что Сеит не даст ответа. Она тут же сделала то, что от нее просили. Она взяла лежавшую на столе маленькую расшитую сумочку и открыла. В этот момент краем глаза она посмотрела на маленький желтый пакет, который вложил Сеит в сумку, но что это, она не поняла. Ее охватил страх, а Сеит, взяв ее за руку, попросил:

– Сейчас не задавай никаких вопросов и иди домой, Мурка. Ты поняла меня? Ни с кем не разговаривай и не останавливайся. Ты устала и уходишь. Хорошо? Давай, ну же!

Когда Мюрвет вышла с улицы Арабаджи и начала спускаться прямо вниз с Тепебаши, она была уверена в том, что следом за ней идут. У нее словно в горле застрял ком, и теперь она была уверена, что, если ей понадобится закричать, она не сможет издать ни звука. Она побежала. Сумка, которую она сжимала, обжигала ей руки. Она уже была возле дороги, которая сворачивала в Айналычешме. Легко накрапывавший дождь, с тех пор как она вышла из ресторана, превратился в ливень. Трясущимися руками она достала из сумки пакет. Канализационная решетка была спасительницей. Проходя мимо, она тут же бросила в нее пакет и бегом продолжила путь. Несколько минут спустя она была у входа в Английские апартаменты. Прислонившись спиной к двери, она часто дышала. Услышав приближающиеся шаги, Мюрвет задержала дыхание. От страха она застыла на месте. Звуки шагов приближались... приближались!.. Мюрвет почувствовала, что ее сердце вот-вот выскочит. Однако показавшиеся две девушки, шедшие рука об руку, прошли мимо нее. Мюрвет, сделав глубокий вдох, расслабилась. Женщины, должно быть, были официантками, пианистками или балеринами из русских из Айналычешме. Мюрвет была счастлива наконец оказаться в безопасности своего дома. Потихоньку приоткрыв дверь квартиры, она на цыпочках прошла в спальню. В это время за Леман приглядывала Неджмийе. И ребенок, и сестра спали глубоким сном. Даже после того, как Мюрвет зашла в спальню, она еще какое-то время не могла побороть волнение и страх внутри себя. Подумав о произошедшем, она пыталась постигнуть тайну дела, но в конце концов погрузилась в сон. Во сне ее преследовали полицейские и дикие собаки. Она проснулась от того, что муж тряс ее за плечи. Мюрвет приподнялась. Сеит повторил вопрос:

– Куда ты положила пакет, Мурка?

Мюрвет была все еще под воздействием сна.

– Что куда положила?

– Пакет, который я тебе дал.

Не совладав с собой, Мюрвет задрожала.

– Скажи-ка, дорогая, куда ты его спрятала? – продолжал спрашивать ее Сеит.

– Я не спрятала, Сеит. Я его выбросила.

– Выбросила? Как выбросила?!

– Я очень испугалась, Сеит. За мной бежали. Я думала, что меня преследуют. А что было в том пакете?

– Мюрвет, мне не до шуток! Скажи, пожалуйста, куда ты его спрятала?

– Я не шучу, Сеит. Я выбросила его в канализацию.

– Куда выбросила?

– В решетку канализации. Сеит, поверь, я очень испугалась. Я подумала, что те полицейские преследуют меня. У меня не было другого выхода.

Сеит начал нервно ходить по комнате.

– В сущности, я не должен был отдавать тебе. Но у меня не было другого выхода. Я не могу доверять никому другому, кроме тебя.

– Что было в том пакете, Сеит?

Мужчина сел на стул рядом с кроватью.

– Кокаин.

– Кокаин?

– Да, кокаин.

Мюрвет широко раскрыла глаза.

– Пакет принадлежал Манолу, – пытался успокоить ее Сеит. – Но, если бы его задержали, ему бы пришлось плохо.

– Сеит, так ты водишь дружбу с такими людьми?

– Дружба здесь ни при чем. Это привычка. Как сигара, как алкоголь. Они принимали кокаин еще в России.

Мюрвет завелась еще больше.

– Значит, ты смог бы принести меня в жертву, чтобы спасти друга?

– Нет, я тобой не жертвовал. Я знал, что ты вне подозрений. Но если бы Манола с этим поймали, то мы бы все погибли.

– Ты даже не сказал мне, что там.

– А если бы сказал, смогла бы ты так невинно смотреть в глаза полицейским?

– А если бы они остановили меня и нашли в моей сумке этот пакет? Что бы тогда было?

– Ты думаешь, я бы позволил этому случиться? Я был уверен в том, что ты сможешь безопасно выйти. А сейчас ты можешь повторить, куда ты точно выбросила пакет?

Мюрвет повторила куда. Сеит, улыбнувшись, поцеловал жену.

– Ладно, давай спи. Я скоро вернусь.

Мюрвет посмотрела на часы. Было три с половиной утра. Дождь с нарастающим темпом бил по стеклам и оконным рамам. Она завернулась в одеяло и вновь погрузилась в глубокий сон.

О том, что произошло в тот поздний вечер, они больше не разговаривали. Спустя какое-то время навесивший их Манол, вручив Мюрвет букет цветов, обронил:

– Мадам Эминова, благодарю...

Мюрвет с удивлением посмотрела на молодого мужчину, стоявшего перед ней. У него было благородное лицо. Она не могла поверить в то, что он одержим кокаином. Манол склонился и легко коснулся губами руки Мюрвет. Затем по-русски пробормотал:

– До свидания!

И, повернувшись, бегом спустился по лестнице.

Мюрвет впервые в своей жизни получала цветы от другого мужчины. Это не были цветы любви. Это были цветы благодарности. Когда Мюрвет закрыла дверь, она подумала с улыбкой о том, как под дождем, в поту, со слезами на глазах и сжимающимся сердцем, бежала тогда домой. Она определенно не хотела переживать подобное еще раз. В чем она еще больше уверилась – так это в том, что и ее муж, и его друзья были людьми абсолютно другого мира.

* * *

Ресторан приносил прибыль, но накопить деньги Сеиту было не так-то легко.

Тем не менее ближе к середине декабря он передал собранную сумму в кассу «Легинатса» и вписал себя и свою семью в список. Он был так счастлив, будто купил потерянную свободу.

Сеита ожидало новое будущее, хоть и не было известно, когда придет ответ. До тех пор пока Америка не примет их, он будет работать в ресторане. Он найдет того, кому продаст ресторан, а с полученными деньгами сможет какое-то время проживать в новой стране, по крайней мере до тех пор, пока не устроится. Интересно, какое дело он мог бы найти в Америке? Может быть, снова будет нужно управлять прачечной, кто знает...

Сеиту не терпелось сообщить жене новость-сюрприз. Он взял Мюрвет за руку и с улыбкой посмотрел ей в глаза.

– Мурка, ну-ка подумай, какая у меня для тебя новость?

– Откуда мне знать, Сеит? Надеюсь, хорошая.

Мужчина засмеялся:

– Ты во всем непременно ищешь добро или зло, дорогая!

– Не знаю, Сеит! Скажи, что за новость?

– Ладно! Внимание! Осторожно, не падай в обморок... Мы записаны в «Легинатс».

Мюрвет вопрошающим взглядом смотрела на мужа.

– «Легинатс» направляет эмигрантов в Америку. Теперь ты, я и Леманушка в их списке. Единственное, что мы можем сделать, – это молиться, чтобы ответ пришел как можно скорее.

Мюрвет почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Ее рука в ладони мужа похолодела. Глаза наполнились слезами.

– Мы едем в Америку?

– Конечно! Ты, я и наша дочь. Сегодня я сделал семейный вклад за троих человек.

Мюрвет начала рыдать навзрыд. Сеит вскочил с места и обнял жену за плечи.

– Что случилось, Мурка? Что тебя заставило так плакать? Я не могу понять. От волнения или потому, что ты испугалась, что я оставлю тебя и уеду?

Мюрвет ответила сквозь рыдания:

– Я не хочу ехать в Америку! И никогда не хотела.

Сеит, заметив, что положение куда тяжелее, чем он думал, подтянул стул к жене. Взяв ее лицо в свои ладони, он заставил ее посмотреть на него.

– Ты можешь, пожалуйста, перестать плакать? Замолчи и послушай меня. Я не могу построить здесь жизнь, которую хочу. Я чувствую себя чужим в Турции, вот почему мечтаю уехать отсюда. Ты знаешь, сколько времени я грезил об этом, но возможности позволяют задуманному осуществиться только сейчас. Наша судьба – совершить это путешествие. Я бы нашел способ уехать уже давно, но свыше решили, что время – сейчас. Я хочу, чтобы ты меня подержала. К тому же важно, чтобы мы все были вместе, разве нет?

– Я не могу разлучиться с мамой.

Сеит вспомнил о силе влияния своей тещи, которая занимала большое место в жизни его жены, о чем он на какое-то время забыл. Она, конечно же, не захочет отправлять свою дочь в Америку. Но самое важное здесь – это решение Мюрвет.

– Мурка, люди не могут жить со своими мамами и папами вечно. Ты сделала выбор. Ты вышла за меня замуж, и у нас есть ребенок. Мы уже семья. Наша жизнь интересует только нас. Только мы ответственны за решения, которые принимаем.

– Но я не хочу отсюда уезжать. Я не смогу жить в незнакомой стране, среди незнакомых людей.

– Америка открыта для людей со всего мира, любимая моя Мурка. Там столько людей, которые, как и мы, сбежали из своей страны или просто ищут приключений, что никто не чувствует себя там одиноким. Сколько моих друзей уже уехали туда! Если бы они не были довольны, они бы вернулись.

– Я их не знаю. Моя мама, мои братья и сестры здесь. Я не могу разлучиться с мамой.

Неожиданное упорство Мюрвет заставило Сеита отказаться от настойчивых попыток убедить ее. Он посмотрел на заплаканное лицо жены и не знал, стоит ли ее сейчас пожалеть. Неужели усилия, которые он прикладывал, напрасны?

Сеит спросил:

– Ты не можешь разлучиться с мамой... Ладно, а со мной можешь?

Мюрвет запаниковала перед неожиданным вопросом.

– Неужели мне обязательно нужно сделать выбор между вами? Ради бога, давай все вместе останемся здесь!

Она закрыла лицо руками. Она знала, что могла потерять Сеита. Но она не могла отправиться с ним за океан.

Сеит, ничего не говоря, встал из-за стола. Он раскурил сигару и пошел к окну. Все его мечты были разрушены. Мечта об Америке, которая заставляла копить деньги с такой настойчивостью и упорством и украшавшая его сны на протяжении многих ночей, растаяла. Мог ли он оставить женщину, плачущую за столом? Мог ли оставить дочь?

Нет, он не покинет ни Мурку, ни Леман. Он постарается жить вместе с ними там, где они захотят. Мюрвет все еще плакала. Сеит легонько дотронулся до ее плеча:

– Так и быть, мы не едем в Америку.

Он ждал, что Мюрвет вскочит и скажет, что она изменила решение, что она поедет туда, куда он позовет ее, что она его любит. Но того, что он ожидал, не случилось. Да, в этот раз их судьбу решала Мюрвет. Они не покинут Турцию.

На следующий день он все надеялся, что жена смягчится. Но Мюрвет молчала. Она снова была беременна и не знала, как сказать об этом Сеиту. В этот период их жизни второй ребенок был самым ненужным. Каждое утро она просыпалась со страхом, окажется ли Сеит рядом или нет. Она съедала себя, с волнением ожидая момента, когда муж вернется с работы, и с тревогой, что однажды он бросит ее. Она злилась на свою беспомощность, но ничего не могла поделать. Она никак не могла проявить смелость. Она не была настолько отважной, чтобы присоединившись к Сеиту, отправиться с ним в заморскую страну. И она ничего не могла поделать, кроме как чувствовать ревность по отношению к Шуре. Она злилась на Шуру за то, что та участвовала в приключенческих побегах и образе жизни Сеита, что беспрекословно была с ним рядом. Но Мюрвет не могла подражать ей.

Ответ на обращение Сеита в «Легинатс» пришел быстрее, чем он надеялся. Это был один из первых дней нового 1926 года. Голова Сеита, которого вызвали в общество, чтобы он заполнил анкеты, была полна мыслей. Ему выпадал огромный шанс. Перед ним все еще было два выбора: или отправиться в путь, или разрешить удаче ускользнуть сквозь пальцы. С анкетами, которые гарантировали ему отъезд в Нью-Йорк, он сидел в комнате ожидания примерно час. Если он заполнит эти анкеты, то через неделю будет на корабле по пути в Нью-Йорк.

Ребенок на руках молодой женщины, которая в этот момент вошла в кабинет, напомнил ему Леман. Он снова подумал о том, о чем думал у кровати дочери. Он не мог ее оставить. Он уже не добавит к тем любимым, которых он потерял до сегодняшнего дня, новых. В этот раз он был настроен решительно. Он вернул анкеты в комнате подачи заявлений обратно слушающему. Взгляд удивления читался на лице у русского, который посмотрел на пустые бумаги. Сеит заговорил с печальной улыбкой:

– Вы можете передать мое право кому-нибудь другому. Я отказался.

– Вы уверены, Сеит Эминов?

– Да. Да, я уверен.

– Но вы знаете, что мы не вернем вам деньги?

Сеит засмеялся. Да разве сто двадцать лир сравнимы с тем, что его мечты разрушились?

– Да, я это знаю. Еще раз спасибо!

Когда Сеит выходил, он в последний раз посмотрел на табличку «Легинатс» на дверях. Надежды о новой земле были оставлены. Он остался в Турции, рядом с женой и дочерью... Но он чувствовал, что ему недостает каких-то вещей. Многие ожидания не оправдывались. Он не мог ни вернуться на родину, ни уехать в другое место. Судьба оставила его в Стамбуле.

Появившись дома, он внимательно посмотрел в глаза Мюрвет, которая ждала его с беспокойством.

– Радуйся, Мурка. Мы никуда отсюда не уедем. Кроме того, я решил продать ресторан. Теперь я все время буду дома. Теперь всегда буду рядом с тобой. Все так, как ты хотела. Ну, посмотрим, счастлива ли ты теперь?

Мюрвет все поняла. Теперь Сеит наказывал и себя, и ее. Положив руку на живот, она думала о том, сколько еще сможет скрывать беременность. Рано или поздно нужно сказать о ней мужу, но сегодня самый неподходящий день. Может быть, настроение Сеита улучшится и все наладится. Тогда они смогут спокойно сесть и поговорить.

Однако шли дни, и не случилось ничего, что изменило бы настроение Сеита. Теперь он был одиноким и обиженным человеком.

Чья ошибка?

Они не могли слишком долго оставаться в Английских апартаментах в Айналычешме. Стало понятно, что через какое-то время арендная плата квартиры, в которой они проживают, станет для семьи тяжким грузом. Мюрвет хотела переехать в район поближе к матери. Когда она озвучила это, то, к ее удивлению, Сеит не возражал. Он принял предложение жены, и они переехали в дом в районе Султанахмет на площади Джинджи – Заклинателей джиннов, который Эмине временно нашла для них.

Сеит сам вызвал машину и проконтролировал погрузку вещей. Мюрвет с удивлением наблюдала за мужем. Она никогда не видела его таким спокойным. Его невозмутимое молчание заставило Мюрвет волноваться. Но с надеждой она думала о том, что изменения в их жизни могут изменить и Сеита. Может быть, ее муж перестанет тосковать по России и окончательно забудет о своих планах переехать в Америку.

До самого вечера они разгружали машину, переносили скарб в дом, но большинство вещей даже не распаковали, так как их новый дом не был настолько большим, чтобы вместить их. Мюрвет заметила, что район, в который ей очень хотелось вернуться и в котором она провела детство, стал ей чужим. Одежды людей, которых она видела на улицах, сами улицы и дома: все очень и очень отличалось от Бейоглу, хоть она и вернулась из иного мира в старый и знакомый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.